

Дни нашей жизни
Пьеса в четырех действиях.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Евдокия Антоновна.
Ольга Николаевна—ее дочь.

Студенты и курсистки:

Глуховцев Николай

Онуфрий

Мишка

Блохин

Физик

Архангельский

Анна Ивановна

Зинаида Васильевна

Эдуард фон Ранкен—врач.

Мионов Григорий Иванович — подпоручик.

Бульварная публика:

Парень Гриша

Торговец

Отставной генерал с дочерью

Военные писаря.

Аннушка и Петр—служащие в номерах.

Место действия — Москва; время — вторая половина девяностых годов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Воробьевы горы. Начало сентября; уже начинается золотая осень.

Погожий солнечный день.

К краю обрыва подходят двое: Николай Глуховцев и Ольга Николаевна, девушка лет восемнадцати. Глуховцев в красной русской рубахе, поверх которой накинута серая студенческая тужурка, и в летней фуражке с белым верхом; девушка в легкой летней блузе с открытой шеей; верхнюю драповую кофту держит на руке ее спутник.

Останавливаются и восхищенно смотрят на далекую Москву.

Ольга Николаевна (*прижимаясь плечом к Глуховцеву*). Как хорошо, Коля! Я и не воображала, что здесь может быть так хорошо.

Глуховцев. Да. Воистину красота! День очень хорош. Ты погляди, как блестит купол у Храма Спасителя. А Иван-то Великий!

Ольга Николаевна (*прищуривая глаза*). Где, где? Я не вижу.

Глуховцев. Да вот же, направо... еще, еще немножко правей. (*Берет обеими руками ее голову и поворачивает.*) Видишь?

Ольга Николаевна. Какая прелесть! Колечка, а что это за маленькая церковка внизу, точно игрушечная?

Глуховцев. Не знаю. Так, какая-нибудь. Нет, положительно красота. И подумать, что отсюда смотрели Грозный, Наполеон...

Ольга Николаевна. А вот теперь—мы. А где мы живем, Колечка, ты можешь найти?

Глуховцев. Конечно, могу. Вот... вот... вот видишь церковку, их там еще несколько, кучкою — так вот немного полее от них и наши номера. Как странно: неужели мы там действительно живем, в этом каменном хаосе? И неужели это — Москва?

Ольга Николаевна. Когда я смотрю отсюда, то я вижу как будто нас, как мы там живем; а оба мы такие маленькие, словно две козявочки... Как я тебя люблю, Колечка!

Глуховцев (*рычит*). Ррр-ррр-ррр...

Ольга Николаевна. Что ты?

Глуховцев. Хорошо очень. Черт возьми!.. Зачем все это так красиво: и солнце, и березы, и ты? Какая ты красивая, Олечка! Какая ты очаровательная! Какая ты ослепительная!

Ольга Николаевна. Разве?

Глуховцев. Я съем тебя, Оль-Оль. (*Кричит.*) Оль-Оль-Оль-Оль!

Где-то ответные голоса: "ау" и также "Оль-Оль-Оль" ...

Ольга Николаевна (*звонко*). Оль-Оль-Оль! Что же они не идут?

Глуховцев. Конечно, мы тут остановимся. Красивее места не найдешь.

Ольга Николаевна. Я их немножко боюсь, Коля, твоих товарищей.

Глуховцев. Их-то? Вот нашла кого бояться.

Ольга Николаевна. А две барышни, которые с нами,—это курсистки?

Глуховцев. Да. Курсистки.

Ольга Николаевна. Той, которая в очках, я меньше боюсь: за ней этот — я не знаю, как зовут его,— ухаживает.

Глуховцев. Его зовут Физик.

Ольга Николаевна. Как смешно, Коля, когда влюбленные в очках. *(Заглядывая ему в глаза.)* А тебе не нужно, Коля, очков, чтобы меня рассмотреть?

Глуховцев. Телескоп нужен,— звездочки рассматривают в телескоп. Нет, ты подумай, что это будет, когда луна взойдет.

Ольга Николаевна *(восхищенно)*. А разве и луна еще будет?

Глуховцев. Заказана. Нет, объясни ты мне, пожалуйста, что это значит — любовь? То не было ее, а то вдруг явилась; и сердцу так широко, так просторно, так солнечно и вольно, что как будто крылья выросли у него. Оль-Оль, родной ты мой человечек, звездочка моя,— я, ей-богу, счастлив!

Ольга Николаевна. Мне хочется на тебя молиться, Коля. Когда ты так говоришь, то сердце у меня замирает и падает, и падает, и падает...

Показываются студенты со свертками, с кульками. Все потные, усталые, фуражки на затылке, но очень веселые.

Мишка *(басом)*. Оль-Оль-Оль-Оль! Куда вас черт унес? Аж взмокли, вас искавши.

Онуфрий *(жидким тенором)*. Господа, Глуховцев—подлый ловелас: ограничился тем, что взял эфемерную кофточку на левую ручку, а под правую подхватил очаровательную Оль-Оль. Все же материальное и имеющее вес предоставил нам.

Мишка. Презренный Дон-Жуан,—провались в преисподнюю!

Ольга Николаевна *(смущаясь)*. Мы выбирали место, мы все время вас окликали.

Онуфрий *(ласково)*. Да ведь мы же шутим, Ольга Николаевна, вы на нас не обижайтесь.

Физик *(близоруко прищуривая глаза)*. Какой обширный горизонт!

Анна Ивановна. А вон Воспитательный! Зинаида Васильевна, смотрите. Воспитательный виден!

Зинаида Васильевна. Где? Где?

Анна Ивановна. Да вон он, вон он! Видите, белеет.

Архангельский. А Таганки не видать?

Анна Ивановна. А разве вам знакома?

Архангельский. Нет, я в Арбатском участке сидел.

Анна Ивановна. А мы с Зиной в Бутырках. Их отсюда не видно.

Физик. Из Таганской тюрьмы, из сто двадцать девятого, Воробьевы хорошо видны. Значит, и Таганку отсюда можно рассмотреть.

Блохин (*поет страшно фальшивым голосом*). "Вдали тебя я обездолен, Москва, Москва, родимая страна. Там блещут в лесе коло..."
(*Срывается.*)

Мишка (*с ужасом*). Господа, Блохин запел! Я не могу, я уйду, мне жизнь дорога.

Онуфрий (*убедительно*). Сережа, вот ты и опять с колокольни сорвался. Ведь так ты можешь и расшибиться.

Архангельский. У него средние ноты хороши: вот бывают такие кривые дрова, осиновые, никак их вместе не уложишь, все топорщатся.

Блохин (*обиженно, немного заикаясь*). Пошли к черту!

Располагаются на траве, под березами раскладывают шинели, разворачивают кульки, бумажные свертки, откупоривают бутылки. За хозяйку курсистка Анна Ивановна.

Мишка. Ей-богу, пива больше было! Это ты, Блоха, дорогою одну бутылку вылакал. И как ты можешь пить с такой нечистой совестью?

Блохин. Пошли к черту!

Анна Ивановна. А самовар? Где же мы возьмем самовар?

Глуховцев. Без чаю и я не согласен!

Онуфрий. Прекрасные лорды и маркиграфини, и в особенности вы, баронесса. На семейном совете мы решили обойтись без посредников, а потому вот вам, баронесса, керосинка, а вот и чайник. Принес на собственной груди.

Глуховцев (*горячо*). Это подлость, господа! Ведь вы же говорили, что самовар будет. Пить чай из какого-то чайника, это черт знает что такое!

Онуфрий. Ну, ну, не сердись, Коля. Будешь пить пиво.

Глуховцев. Не хочу я пива!

Мишка. Мещанин. Который человек, находясь в здравом уме и твердой памяти, не желает пива, тот человек мещанин.

Архангельский. А кто же за водой пойдет?

Ольга Николаевна. Мы! Николай Петрович, пойдемте за водою, хорошо?

Глуховцев. Ну ладно, черти!

Ольга Николаевна (*тихо*). Не пей, миленький, сегодня. Я так боюсь пьяных.

Глуховцев. Ну что ты,—выпьем все понемножку, вот и все. Бежим!

Ольга Николаевна. Ай!

Бегут вниз. Слышно, как звякает упавший чайник. На полянке закусывают и пьют.

Архангельский. Нет, это такое счастье, господа, когда осенью приезжаешь в Москву; там у нас одуреть можно.

Анна Ивановна. Ваш отец священник?

Архангельский. Нет, дьякон. Отец-дьякон.

Блохин. Ну ты, Вася, в деревне, там еще понятно, а ты посмотрел бы, что у нас в Орле делается летом. Такая мертвая тощица.

Мишка. Буде! Везде хорошо. Пей за Москву, ребята!

Архангельский. Еду я третьего дня с Курского вокзала, и как увидел я, братцы мои. Театральную площадь. Большой театр...

Мишка (*басом*). И Малый. Выпьем за Большой и за Малый.

Анна Ивановна. Полное отсутствие интересов. Я целое лето работала фельдшерницей на одном пункте... Так это же ужас! Доктор, .еще молодой совсем, а такой пьяница, картежник...

Физик. Пьяница — ничего, картежник — дурно.

Мишка (*жалобно*). Да будет вам панихиду тянуть. Ну, удрали и удрали, и радуйтесь этому. Молодым людям надо быть веселыми, — расскажи-ка лучше, Фрушончик, как тебя опять из тихого семейства выгнали.

Зинаида Васильевна. Какая славная девушка с Глуховцевым. Кто это?

Архангельский. Его знакомая. Правда, очень милая. Но уж очень скромная, — все краснеет.

Мишка. Ну, ну, расскажи, Фрушончик.

Блохин. Нет, это удивительно: такого скандалиста, как Онуфрий, во всей Москве не найти... И зачем ты, Онуфрий, лезешь непременно в тихое семейство?

Онуфрий. Роковая тайна. По натуре я, собственно говоря, человек непьющий...

Хохот.

Мишка. Физик, объясни.

Анна Ивановна. Его специальность — химия.

Физик. Но не алхимия. Здесь же, несомненно, припахивает чертовщиной.

Онуфрий. Совершенно серьезно, Анна Ивановна. И не только непьющий, но склонный к самым тихим радостям. Что такое меблированные комнаты? Ваш Фальцфейн, например? — Грязь, безобразие, пьянство, а я этого совершенно не выношу, Зинаида Васильевна. Вот я и выискиваю по объявлениям тихое интеллигентное семейство. Переезжаю, конечно, и все

мне очень рады. Онуфрий Николаевич, говорят, приехал. Но только...

Мишка. Несчастный ты человек, Онуфрий. Выпьем за тихое семейство.

Онуфрий. С удовольствием, Миша. И вот здесь, Анна Ивановна, начинается роковое сцепление обстоятельств. Третьего дня, например, поселился я у одного присяжного поверенного; такой приятный, знаете, человек, и тихо до того, что ежели блоха в дверь входит, то слышно, как она лапками стучит. Но только в эту же ночь я как-то напился и вернулся домой так часиков в шесть.

Блохин. У... утра?

Онуфрий. Нет, Сережа,—пополуночи. Все бы это ничего, но только меня губит любовь к людям, Анна Ивановна... Вдруг мне до того жалко стало этого адвоката, что не вытерпел я, прослезился и начал барабанить кулаками в дверь, где они с женой почивают: вставай, говорю, адвокат, и жену подымай, пойдём на бульвар гулять! На бульваре, брат, грачи поют, так хорошо! Ну и что же?

Анна Ивановна. Попросили уехать, конечно?

Онуфрий. Нет, и не просили даже. А просто сам адвокат связал мои вещи и даже, кажется, за извозчиком сам бегал. До свидания, говорит, Онуфрий Николаевич, до свидания, ищите себе другое тихое семейство.

Мишка. Злополучный ты человек, Онуфрий. Выпьем.

Онуфрий. С удовольствием, Миша. Однако, как они запропастились.

Зинаида Васильевна. Далеко. Пока дойдут до реки.

Блохин. Давайте петь, господа, какого черта!

Зинаида Васильевна. Да! да! Петь! Михаил Иванович, да оторвитесь вы от бутылки хоть на минуту.

Мишка (в отчаянии). Братцы, что же это такое? Пришел я на Воробьевы горы, думал хоть тут отдохнуть душою, а Блохин петь хочет.

Онуфрий. Не обижай его, Миша; разве он виноват, что голос у него такой скверный? Пой, Сережа, пой, только высоко не забирайся — опасно.

Вбегают, запыхавшись, Ольга Николаевна и Глуховцев.

Глуховцев. Ой-ой-ой, как я жрать хочу.

Ольга Николаевна. Я тоже. Можно мне здесь присесть?

Анна Ивановна. Пожалуйста, голубчик, вот колбаса, вот сыр, сардинок не советую есть,— кажется, с запахом.

Мишка. Говорил, лучше селедку взять — селедка никогда не обманет.

Глуховцев. Налей-ка, Миша.

Ольга Николаевна. Вы же не хотели пить, Николай Петрович.

Глуховцев. Одну рюмочку.

Анна Ивановна. Вы не московскую гимназию окончили, Ольга Николаевна?

Ольга Николаевна. Нет, я была в институте.

Физик. В институте? Это надо хорошенько рассмотреть. *(Надевает сверх очков пенсне.)*

Мишка. Братцы, Физик вторые очки надел.

Он у Фрийд. Четырехглазый осьминог.

Физик. Но почему же осьминог?

Блохин. Глаза уже есть, а ноги будут.

Зинаида Васильевна. У вас такой прекрасный голос, Михаил Иванович,— отчего не споете?

Мишка. Можно.

Запевает, и все согласным хором подхватывают.

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман,—
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.
— Полно, брат молодец,
Ты ведь не девица,
Пей,— тоска пройдет.
Пей, пей,— тоска пройдет.

(Обиженно). Братцы, Блохин опять врет.

Блохин *(вскакивает)*. Это свинство! Это... это черт знает что такое! Я больше никогда... *(Уходит к обрыву и стоит там один насупившись.)*

Голоса. Сергей, Сережа!

— Сергей Васильевич!

— Он нарочно.

— Он шутит.

— Иди сюда!

Блохин. Хороши шутки. Тоже товарищи.

Мишка *(подходит сзади и обнимает его)*. Ну, не сердись, Сережа, я ведь нарочно. У тебя голос прямо, брат, для оперы.

Блохин. Оставь меня, Михаил. Я знаю, что у меня очень плохой голос, но если мне хочется петь,— как ты этого не понимаешь? Я, может быть, всю жизнь отдал бы, чтобы иметь такой голос, как у тебя. Ты не знаешь и никто из вас не знает, что у меня в душе все время музыка звучит.

Мишка. Если бы ты не врал, Сережа, а то ведь ты врешь.

Блохин. Ну и вру. На то вы товарищи, чтобы...

Мишка *(покаянно)*. Верно, брат Сережа, верно! Свинство это. Поцелуй меня! Больше никогда, брат, слова не скажу — ври сколько хочешь.

(Соболезнующе.) У тебя тенор, что ли?

Блохин *(насупившись)*. Тенор.

Мишка. Ну, ничего, брат, пойдем выпьем.

Уходят. Заходит солнце, заливая пурпуром стволы берез и золотистую листву. Над Москвою гудит и медленно расплывается в воздухе колокольный звон: звонят ко всенощной.

Архангельский. Зазвонила Москва. До чего ж я люблю ее, братцы!

Онуфрий. По какому случаю трезвон?

Архангельский. Завтра же воскресенье. Ко всенощной.

Мишка. Молчи, молчи! Слушайте! (*Издает грудью певучий, глубокий звук в тон поющим колоколам.*) Гууууу, гууууу...

Глуховцев (*вскакивает*). Нет, я не могу! Это такая красота, что можно с ума сойти. Оля, Ольга Николаевна, пойдемте к обрыву.

Голоса. И мы, и мы.

— Да оставьте вы ваше пиво, Онуфрий Николаевич.

Все высыпают на край обрыва, Мишка со стаканом пива, Онуфрий держит бутылку и время от времени пьет прямо из горлышка. Слушают.

Онуфрий. "Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он". (*Пьет.*)

Мишка. Молчи!

Анна Ивановна. Москву действительно трудно узнать.

Глуховцев (*горячо*). Это такая красота! Это такая красота!

Ольга Николаевна (*тихо*). Мне захотелось молиться.

Глуховцев. Молчи, Оля-Оля. Тут и молитвы мало.

Мишка (*грустно*). Кончилось. Но если ты, Онуфрий, еще раз попробуешь в таком торжественном случае гнусавить, как заблудившийся козел, то я тебе...

Онуфрий. Жестокое непонимание. Роковая судьба. Лучшие порывы души угасают, не долетая до небес. Всю жизнь мою ищу тихое семейство — что же, о жалкий жребий мой! Анна Ивановна! Вы женщина строгая и добродетельная, давайте образуем с вами тихое семейство.

Анна Ивановна. Вы пьяны, Онуфрий Николаевич.

Онуфрий. Выпивши, но не пьян. Дамам эта разница недоступна, но вместе с тем очень значительна.

Блохин. "Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв".

Зинаида Васильевна. Ай-ай, чайник закипел.

Архангельский. Бежим! Лови его!

Мишка. Зловредный ты человек, Онуфрий. Только тебе и остается что пить.

Онуфрий. Я одного боюсь, Миша: истощения сил.

Мишка. А ты, Онуша, не мешай водку с пивом. Выпей сперва одного, а потом другого, а вместе — избави тебя бог: никакое тихое семейство тебя не выдержит.

Онуфрий. Хорошо, Миша, попробую так.

Все уходят, на обрыве остаются только Глуховцев и Ольга Николаевна.

Глуховцев. Что загрустила, Оль-Оль? Что затуманилась, зоренька ясная?

Ольга Николаевна (*вздыхая*). Так. Мне очень нравятся твои товарищи, Коля. И этот твой Онуфрий... как его, очень милый. Правда, что его отовсюду выгоняют?

Глуховцев. Ты еще не знаешь, какой он хороший. Он последнюю копейку отдает товарищам, но только ужаснейший скандалист!

Ольга Николаевна. А этой Зинаиды Васильевны я боюсь. Мне все кажется, что она меня презирает.

Глуховцев. Какая чепуха! Кто же может тебя презирать? Ты такая прелесть, такое очарование, что вот, хочешь, — сейчас при всех возьму и стану на колени.

Ольга Николаевна (*испуганно*). Нет, нет, Коля. Ступай, миленький, к твоим, а я тут побуду одна. Немножко погрустить захотелось.

Глуховцев. О чем, Оль-Оль?

Ольга Николаевна. Так, о жизни. Ты очень меня любишь, Коля?

Глуховцев. Очень, Оль-Оль.

Ольга Николаевна. Нет, скажи—очень? Мне нужно, чтобы ты очень любил меня.

Глуховцев. Сильнее нельзя любить. Видишь ли, настоящую любовь можно узнать по тому, насколько от нее человек становится лучше, и еще по тому, Оль-Оль, насколько от нее в душе светлеет. А у меня так светло теперь, что я удивляюсь. Ведь ты знаешь, Олечка, как мучили меня всякие проклятые вопросы, а теперь ничего: только радость, только свет, только любовь. И петь хочется... как Блохину.

Ольга Николаевна. Ну иди, миленький, пой. (*Тихонько целует его руку.*) Спасибо тебе.

Глуховцев (*отвечая таким же поцелуем*). Я только на минутку. Не забывай меня!

Ольга Николаевна. И ты меня не забывай. (*Остается одна. Некоторое время молчит, потом тихонько напевает.*)

Ни слова, о друг мой, ни вздоха. Мы будем с тобой молчаливы:

Ведь молча над камнем могилы склоняются грустные ивы.

И молча читают, как я в твоём сердце усталом,

Что были...

Онуфрий (*кричит*). За ваше здоровье, Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна (*тихо*). Спасибо. (*Продолжает петь.*) Что были дни светлого счастья, и этого счастья не стало.

Глуховцев (*кричит*). Петь идите, Ольга Николаевна!

Мишка. Идите петь. Одного голоса не хватает.

Ольга Николаевна. Нет, я тут побуду... Что были дни светлого счастья, и этого счастья не стало... Да. Милый мой Колечка, бедный мой Колечка.

Студенты (*поют*).

Быстры, как волны, все дни нашей жизни.

Что день, то короче к могиле наш путь.

Налей же, товарищ, заздравную чару,—

Бог знает, что с нами случится впереди.

Посуди, посуди, что нам будет впереди.

Мишка. Так, так, Сережа, поддерживай.

Студенты (*продолжают*).

Умрешь, похоронят, как не жил на свете.

Уж снова не встанешь к веселью друзей.

Налей же, товарищ, заздравную чару,—

Кто знает, что с нами случится впереди.

Посуди, посуди, что нам будет впереди!

Он у ф р и й. Господа, кто подложил под меня сардинки? Во-первых, я не курица, во-вторых, куры не несут сардин, а в-третьих, я не маркиз, чтобы ежедневно менять брюки.

Хохот.

Ольга Николаевна (*повторяет*). "Уж снова не встанешь к веселью друзей..." Один у меня друг, как одно у меня и сердце. Одна жизнь. Одна любовь.

Со стороны сидящих на поляне доносятся отрывки горячего спора.

Архангельский. Ты не имеешь права так говорить, Миша. Ницше...

Мишка. А я буду говорить.

Анна Ивановна. Господа, господа, необходим порядок. Вы что хотели сказать, Блохин?

Блохин (*захлебываясь*). Я говорю... я говорю, что сила не в том, чтобы постоянно разрушать и ничего... ничего не творить. Тво... творческий дух...

Мишка. Верно, Сережа!

Блохин. Погоди, Михаил. Я говорю...

Глуховцев. А я скажу, Михаил, что это глупо: ко всему, что не нравится и чего не понимаешь, прилеплять кличку мещанина. Таким образом можно легко отделаться...

Зинаида Васильевна. Почему же непременно отделаться, Глуховцев? А если человек убежден, что данный факт или данное лицо...

Онуфрий. Вот бы нас сейчас да в тихое семейство.

Глуховцев. Не балагань, Онуфрий. Меня возмущает легкость, с которой этот господин прищипливает ярлычки. Мы не насекомые...

Онуфрий. Мы травоядные алкоголики.

Глуховцев. Онуфрий! Господа, или спорить, или дурачиться,— я этого не понимаю.

Анна Ивановна. Вы пьяны, Онуфрий Николаевич. Повторите, Михаил Иванович, что вы сказали.

Мишка (*угрюмо*). То и сказал. Сказал, что ваш Фридрих Ницше — мещанин.

Глуховцев. А ну вас всех к черту! (*Идет к Ольге Николаевне.*)

Онуфрий. Не уходи, Коля, мы сейчас заставим его извиниться. Михаил, прошу тебя, возьми слова твои обратно.

Глуховцев (*Ольге Николаевне*). Нет, ты подумай, Оля, эта пьяная каланча, этот тромбон вдруг заявляет, что Ницше мещанин. Этот великий, гениальный Ницше, этот святой безумец, который всю свою жизнь горел в огне глубочайших страданий, мысль которого вжигалась в самую сердцевину мещанства... (*Оборачиваясь, яростно.*) Мишка, а кто же, по-твоему, я?

Мишка (*гудит*). Тоже мещанин.

Глуховцев. Ага! Ну, а ты?

Мишка. Тоже мещанин.

Хохот. Спор продолжается.

Ольга Николаевна. Не волнуйся, голубчик. Смотри, уж луна показалась,— какая красная. Можно подумать, что пожар.

Глуховцев. Где? Нет, это удивительный осел!

Ольга Николаевна. Да вот же она! Смотри! Господи, какое счастье подумать, что и назад мы пойдем с тобою! Какое счастье жить на свете!

Глуховцев (*смягчаясь*). Это верно, Оль-Оль, большое счастье! Мишка просто не понимает, что говорит.

Подходит, покачиваясь, Онуфрий.

Онуфрий. Вы тут? Милые мои дети! Простите, что я вмешиваюсь в ваше блаженство, но любовь к людям не дает мне покою. Я уже заметил, когда мы шли сюда, и вообще еще раньше заметил, что вы, дети мои, самим провидением при-у-го-тованы, то есть приготовлены, вы понимаете?

Глуховцев. Не трудись объяснять, понимаем.

Онуфрий. И я, как старший, как духовный отец...

Глуховцев. Духовная мать.

Онуфрий. Нет, именно духовный отец. Я прошу тебя, женщина, как бы тебя ни звали, люби моего Колю. Это такая душа, это такая душа... *(Всхлипывает.)* И когда вы женитесь и образуете тихое семейство, я навсегда поселюсь у вас. Ты меня не выгонишь, Коля, как этот адвокат?

Глуховцев. Живи, Онуфрий, чего уж там.

Онуфрий *(целует его)*. Я всегда верил в твое благородство, Коля. Мне бы только ящик с книгами распаковать, а то вот уж два года вожу я его из одного тихого семейства в другое тихое семейство. Из одного тихого семейства в другое тихое семейство. А вас, прелестная незнакомка, я могу поцеловать? Как отец. Коля, мой поцелуй чист, как дыхание ребенка.

Глуховцев. Да, только такого, который не меньше года пролежал в спирту.

Ольга Николаевна. Я с удовольствием поцелую вас, Онуфрий Николаевич. *(Целует его.)*

Глуховцев. Ты на луну лучше посмотри.

Онуфрий. Которая? Вот эта? Какая зеленая. Господа, луна взошла, и притом, заметно, в нетрезвом виде.

Блохин *(поет)*.

И ночь, и любовь, и луна,
И темный развесистый сад...

(Забирается куда-то в непролазную глушь и обрывает.) Кто знает из вас этот романс?

Мишка. Сережа, не форси и не злоупотребляй. Сорвешь голос — как же Вагнера петь будешь?

Зинаида Васильевна. А вы были на "Зигфриде", Михаил Иванович?

Мишка. Присутствовал.

Собираются к краю обрыва в лунный свет. Несколько затихают, очарованные.

Блохин. Мне кажется, что я рас...растворяюсь в лунном свете, что я таю, что меня уж нет. Господа, скажите мне под честным словом: существует Блохин или нет?

Мишка. Какое торжество! Возрадовались небо и земля. Что сегодня — праздник, что ли?

Архангельский. Завтра воскресенье. Слышал, ко всеобщей звонили?

Онуфрий. Врешь, отец-дьякон. Сегодня воскресенье. Почему воскресенье должно быть завтра, если оно сегодня? Миша, скажи отцу-дьякону, что ихний календарь — мещанство.

Анна Ивановна. Тишина какая. Вы здесь, Андрей Васильевич?

Физик. По-видимому, здесь.

Анна Ивановна. Подойдите сюда, отсюда виднее.

Глуховцев (*тихо*). Оль-Оль, ты любишь меня?

Ольга Николаевна. Люблю. А ты?

Глуховцев. Люблю.

Онуфрий. Вот я в тихом семействе. Тихий месяц, тихи звезды, тиха вся земля.

Блохин. Смотри, выгонят.

Онуфрий (*грустно*). Не смейтесь, дети мои, над несчастным Онуфрием. Ему грустно. Люди гонят его, как пророка, и даже побивают камнями; но он верит: есть в мире тишина. Иначе как бы могли судить у мирового за нарушение тишины и порядка!

Мишка. Торжество! Но, однако же, пойдем допивать пиво, Онуфрий.

Онуфрий. Пиво? С удовольствием, Миша. Но мне кажется, что я уже выпил все пиво.

Мишка. Я спрятал две бутылки. Пойдем! От этого торжества меня под сердцем сосать начинает.

Онуфрий. Под сердцем? Ах, Миша, Миша! Коротка наша жизнь. Извини меня, Миша, но, кажется, я наступил тебе на мозоль.

Блохин. Ты опять, Онуфрий, извиняться начинаешь. Ночевать тебе в участке.

Зинаида Васильевна. Вам грустно, Михаил Иванович?

Мишка. Да, взгрустнулось. Пива мало взяли.

Зинаида Васильевна. Пиво?.. В такую ночь?..

Анна Ивановна. Холодно! Холодно становится. У кого моя кофточка, господа? Да и собираться надо, — пока дойдем.

Уходят на полянку. У обрыва остаются только Глуховцев и Ольга Николаевна. Стоят, крепко обнявшись.

Ольга Николаевна (*тихо*). Увидят, Коля.

Глуховцев. Пусть.

На полянке громкий разговор.

Мишка. Домой? Домо-о-ой? Кто говорит: домой? Это вы, Анна Ивановна?

Онуфрий. Ложное представление о несуществующих предметах. Дома никакого нет. Дом — это пятиэтажный предрассудок.

Блохин. К...конечно, к...какой там дом. Мы еще костер будем разводить.

Мишка. Верно, брат Сережа. Костер.

Физик. А я желаю наблюдать восход солнца.

Онуфрий. Я буду прыгать через костер, как летучая рыба. Физик,

скажи-ка: бублик.

Анна Ивановна. Не надо, не говорите, Андрей Васильевич!

Физик. Нет, скажу. *(Подумавши.)* Бублик.

Онуфрий. Верно, Физик. Значит, и ты можешь прыгать через костер. Все будем прыгать.

Архангельский. Костер нельзя, братцы!

Мишка. Можно! Можно, отец-дьякон! Что ты, Блоху нашу заморозить хочешь? Видишь, она в одной рубашке.

Зинаида Васильевна. Костер, костер! Кто идет со мной сучья собирать?

Архангельский. Ну и влетит же вам.

Онуфрий. Если ты будешь ерепениться, отец-дьякон, то мы тебя на костре жарим. И у нас будет постная закуска.

Мишка. Чего там. Айда за сучьями. *(Запевает.)*

Из страны, страны далекой,

С Волги-матушки широкой,

Ради славного житья...

Студенты *(поют, удаляясь)*.

Ради вольности веселой

Собрались мы сюда.

Вспомним горы, вспомним доли,

Наши нивы, наши села.

И в стране, в стране чужой

Мы пируем пир веселый

И за родину мы пьем...

Мы пируем...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тверской бульвар. Время к вечеру. Играет военный оркестр. В стороне от главной аллеи, на которой тесной толпой движутся гуляющие, на одной из боковых дорожек сидят на скамейке Ольга Николаевна, Глуховцев, Мишка, Онуфрий и Блохин. Изредка по одному, по двое проходят гуляющие. В стороне прохаживается постовой городской в сером кителе. Звуки оркестра, играющего вальс "Клик", "Тореадора и Андалузку", вальс "Ожидание" и др., доносятся откуда-то слева.

Мишка. Так-то, Онуша.

Онуфрий. Так-то, Миша.

Мишка. Я не могу с Блохиным сидеть: на меня все смотрят. Что это, говорят, у Михаила Ивановича такое неприличное знакомство?

Онуфрий. Ты что же это, Сережа, в мундире? На бал куда-нибудь собрался?

Блохин (*одетый в парадный, сильно потрепанный мундир*). Пошли к черту! Сегодня три рубля на толкучке дал.

Онуфрий. Ну? Недорого.

Блохин. Н...насилу уступил. Просил пять. Г...говорит, что шитья одного на пятнадцать рублей.

Мишка. Покажи-ка!

Он и Онуфрий с интересом рассматривают мундир, пробуют пальцами материю.

Ничего, здорово только молью поедено.

Онуфрий. И великоват немножко. Ну, да ты, Сережа, подрастешь.

Молчание.

Блохин. Ты что это, Коля, так загрустил?

Глуховцев. Так, ничего.

Мишка. А ты у кого, Онуша, живешь?

Онуфрий. У Архангельского, у отца-дьякона, свой шатер раскинул. А что, братцы, не найдется ли у вас этакого завалящего урочка?

Блохин. Держи карман шире! Сами взяли бы, кабы было что.

Мишка. А животы подводит, Онуша?

Онуфрий. Подводит, Миша. Я бы, собственно, за стол и квартиру.

Блохин. А я рас...расстоянием не стесняюсь.

Мишка. Не скули, Блоха. (*Тихонько запекает.*)

Настало нам разлуки время...

Студенты (*тихонько подпевают*).

И на измученную грудь

Тяжело пало жизни бремя;

Но все ж скажу вам: добрый путь.

Бульварный сторож. Тут петь нельзя, господа.

Онуфрий (*с удивлением*). А разве кто-нибудь пел? У вас, дорогой мой, начинаются галлюцинации слуха. Как ты думаешь, Миша, это очень опасно?

Мишка. Очень! Потому что за ними идут галлюцинации зрения.

Блохин. И о...о...обоняния!

Сторож (*сердито*). Вам говорят!

Онуфрий. Ты замечаешь, Миша, что с маркизом что-то делается?

Мишка. Я советовал бы вам обратиться к акушеру.

Онуфрий (*с удивлением*). Но почему же, Миша, к акушеру? Неужели ты предполагаешь какую-нибудь ненормальность в положении ребенка?

Мишка. Убежден.

Онуфрий. Тогда поторопитесь, граф, я прошу вас. Это очень серьезно, и если не захватить вовремя...

Сторож (*выходя из себя*). Тут петь нельзя! Вам говорят! А то с бульвара прогоню!

Онуфрий. А что, Миша, если я дам маркизу по шее? Благословишь ты меня?

Мишка. Оставь, Онуфрий. Тебя губит любовь к людям. Ты и без того завтра будешь давать отчет мировому в своих дурных поступках.

Онуфрий. Но если — по совокупности? Впрочем, маркиз, я завтра пришлю к вам моих секундантов.

Сторож. А еще студенты! Шантрапа! Голодранцы!

Идет жаловаться городовому. Тот равнодушно, через плечо, взглядывает на студентов и отмахивается от сторожа рукою.

Мишка. Не выгорело!

Онуфрий. Я убежден, Миша, что через две тысячи лет все городовые...

Мишка. Упразднятся? Опасайся, Онуфрий, таких мыслей. Это, брат, чистейшей воды анархизм.

Онуфрий. Нет, Миша, не упразднятся, но будут в новой форме.

Блохин. А это уж кроткий оп-оптимизм.

Мишка. Ну, буде, насиделись! Пойдем шататься, ребята. Николай, ты с нами?

Глуховцев. Нет, мы тут посидим.

Мишка. Трогай!

Уходят. Некоторое время молчание.

Глуховцев. Что с тобою, Оль-Оль? Ты сегодня весь день такая грустная, что жалко на тебя смотреть. Случилось что-нибудь? И мать твоя какая-то странная.

Ольга Николаевна. Нет, ничего. А отчего ты грустный?

Глуховцев. Я-то? Не знаю. Дела плохи, должно быть, оттого. Хорошо еще, что в комитетской столовой даром кормят, а то... Надоело это, Оль-Оль. Здоровый я мальчик, камни готов ворочать, а работы нету.

Ольга Николаевна. Бедный ты мой мальчик!

Глуховцев. Ну, оставь. Ты плакала? Отчего у тебя под глазами такие круги? Ну говори же, Олечка, ведь это нехорошо.

Ольга Николаевна наклоняет голову и пальцами, обтянутыми черною перчаткой, тихонько вытирает глаза.

Ну что ты, Оля?

Ольга Николаевна. Тебе будет очень тяжело, Колечка, если я скажу. Вон и мамаша идет!

Проходит мимо невысокая старуха в черной накидке и черной потрепанной шляпе. Имеет вид благородный, но в то же время и попрошайнический.

Евдокия Антоновна (*проходя*). Ты же тут, Оля, сиди, никуда не уходи отсюда. (*Жеманничая*.) Какой прекрасный вечер, господин студент! (*Идет*.)

Ольга Николаевна (*тихо, с ненавистью*). Прошла, проклятая!

Глуховцев. Что ты, Оля?

Евдокия Антоновна (*оборачиваясь*). Какой великолепный оркестр, Оля: ты не находишь, дружок?

Ольга Николаевна (*тихо*). Пошла! Пошла! Нет, ты посмотри, какая благородная старушка. А вчера зарезать меня грозилась старушка-то эта, благородная-то эта.

Глуховцев. Говори толком, Оля, что случилось?

Ольга Николаевна (*зло*). Да неужели же ты ничего не понимаешь? Целый месяц живешь со мною и ничего не видишь. Где же твои глаза?

Глуховцев. Как ты странно говоришь: "живешь". И что я должен видеть?

Ольга Николаевна (*отворачиваясь*). Что я не девушка.

Глуховцев. Ну видел, положим. Но что же отсюда следует? Правда, это нелепо; может быть, над этим нужно было задуматься, но мне как-то и в голову не пришло. И вообще (*с некоторой подозрительностью смотрит на нее*), и вообще я действительно не задавался вопросом, кто ты, кто твоя мать. Знаю, что твой отец был военный, что твоя мать получает пенсию...

Ольга Николаевна. Да. Восемь рублей в месяц.

Глуховцев. Ну?..

Ольга Николаевна. Что я содержанка, что я на содержании, ты это знаешь?

Молчание. Ольга Николаевна медленно поворачивает лицо к студенту.

Что же ты молчишь? Коля, Колечка!.. Ты не ожидал этого? Тебе очень больно? Да говори же! Милый мой, если бы ты знал, как я измучилась — вся, вся!

Глуховцев. Да, не ожидал. Но как же это?.. Да, не ожидал!.. Какая странная вещь!.. Ты — на содержании... Странно! Как же это вышло?

Ольга Николаевна (*торопливо*). Когда я была еще в институте, она, эта мерзавка, продала меня одному... Ну, и у меня был ребенок.

Глуховцев. У тебя? Да ведь тебе всего восемнадцать лет! Ольга Николаевна. Ну да, восемнадцать. Ну, и ребенок умер. В Воспитательном... Ну, и потом... не могу я рассказывать. Колечка, пожалей меня, голубчик.

Проходит сильно подкрашенная женщина, по виду из гулящих, замечает пристальный взгляд городского и резко поворачивает назад. Походка развалистая и ленивая. Поглядывает на студента и напевает: "Я обожаю, я обожаю..."

Глуховцев. Так. А у кого же ты на содержании?

Ольга Николаевна. Так, виноторговец один.

Глуховцев. Где же он?

Ольга Николаевна (*испуганно*). Ты не думай, Коля, что теперь я с ним... и с тобою. Нет, нет! Он уже два месяца как уехал на Кавказ.

Глуховцев. Скоро вернется?

Ольга Николаевна. Он не вернется, Коля. Он прислал письмо, что больше не хочет и что я могу идти куда глаза глядят. И денег за этот месяц он не прислал.

Глуховцев. Сколько?

Ольга Николаевна. Пятьдесят рублей.

Глуховцев. Немного.

Ольга Николаевна. Он очень расчетливый и говорит, что летом, на каникулах, он не может платить столько же, как и зимой. А зимой он платил семьдесят пять... и, кроме того, подарки... духи или на платье.

Глуховцев (*с тоскою глядя на нее*). И это ты? "Духи, на платье" ... И это ты, Оль-Оль, мое очарование, моя любовь! Ведь я тебя девочкой считал. Да и не считал я ничего, а просто любил, зачем — не знаю. Любил!..

Ольга Николаевна (*плачет*). Пожалей меня!

Глуховцев. Отчего же ты не работала?

Ольга Николаевна. Я ничего не умею... Да и где взять работы? Ты сам знаешь. Пожалей меня.

Молчание. Ольга Николаевна тихонько плачет. Быстро проходят два военных писаря: высокий и низенький; последний прихрамывает.

Высокий. И зачем ты себя мучаешь, и зачем ты себя терзаешь, и зачем ты себе жизнь отравляешь, и зачем ты себе делаешь узкие штiblеты?

Проходят.

Ольга Николаевна. Вот ты... в комитетской столовой... А я уже два дня ничего не ела.

Глуховцев. Что? Как же это?

Ольга Николаевна. Да так. Все заложили, все продали, что можно было, а последние два дня голодаем. Голова у меня очень кружится, Коля.

Глуховцев. Ах, ты!.. Но как же это! Ведь это же невозможно, тебе нужно чего-нибудь съесть. Отчего ты сразу не сказала об этом? Я бы...

Ольга Николаевна. Что же ты можешь. Колечка? Ведь у тебя у самого нет ничего.

Глуховцев (*в отчаянии*). Ничего! Это такой ужас, что можно убить себя. Да нет, я достал бы где-нибудь! Я бы что-нибудь продал... Фу-ты, черт, наконец, украл бы. Ведь это невозможно на самом деле: два дня не есть человеку. Оль-Оль, прости меня, голубчик. Я просто осел. Вместо того чтобы спрашивать... Тебе очень хочется есть?

Ольга Николаевна. Нет. Голова только кружится.

Глуховцев. Я сейчас буду кричать караул, пусть соберутся, пусть посмотрят.

Ольга Николаевна. Ты прощаешь меня?

Глуховцев. Что? Прощение? Да как же ты можешь говорить о прощении, когда я должен стать перед тобою на колени и плакать: прости меня.

Ольга Николаевна (*улыбаясь*). Мне с тобою умереть хочется, Коля. Ты такой добрый, такой благородный!..

Глуховцев (*гневно*). К черту! Не смей мне говорить о благородстве. Нет, это невозможно! Посиди здесь минутку, я сейчас, я куплю что-нибудь, у меня есть пяточок. И вообще я достану...

Ольга Николаевна (*испуганно*). Нет, нет, не уходи!

Показывается Онуфрий.

Глуховцев. Онуфрий! Слушай! Голубчик, поди сюда.

Онуфрий (*подходя*). Что случилось?

Глуховцев. Она два дня не ела. Понимаешь? Два дня не ела. Давай денег!

Онуфрий. Денег? Ты говоришь — денег?

Глуховцев. Ну да, денег, а то чего ж?

Онуфрий (*смущенно разводит руками*). Прости, голубчик, ни гроша. Понимаешь, ни гроша! Вчера на всю братию был двугривенный, да и тот у Немца пропили.

Глуховцев. Что же, так и умирать, что ли?

Онуфрий. Постой, ты говоришь, два дня не ела? То есть как же не ела, совсем не ела? (*Горячась*.) Нет, это невозможно. О чем же ты, тупица, осел, думал раньше?

Ольга Николаевна. Он не знал.

Онуфрий. Должен был знать! Вот еще! Постой, Коля, погоди минутку, я сейчас, брат, добуду. Тут Веревкин с какой-то девицею шатается,

такая сволочь, никогда копейки не даст. Но я ему горло перерву. От меня он не уйдет! А может быть, Мишку лучше с собой взять — он Мишки боится. А?

Глуховцев. Как хочешь, но только поскорей!

Онуфрий. И до чего все это глупо!.. Ну, держись, Коля, я сейчас! (Быстро уходит, оборачиваясь.) Вы же тут сидите, слышите?

Глуховцев (весело). Он достанет, Олечка! Если уж они с Мишкой возьмутся, так они достанут. Я знаю этого Веревкина, это наш товарищ, ужасно дрянной человечиска! Но они его сумеют припугнуть.

Ольга Николаевна (нежно). Глупенький ты мой!

Глуховцев. Оставь, Оль-Оль! Только бы до завтра как-нибудь протерпеть, а завтра мы все устроим. Бедная ты моя девочка, ну и мать же у тебя! Но как же ты это допустила? Как можно вообще допустить, чтобы тебя, живого человека, продавали, как ветошку?

Ольга Николаевна. Она грозит, что зарежет меня. Я ночью боюсь с ней спать. Она ведь совсем сумасшедшая!

Глуховцев. Пустяки! Не зарежет!

Ольга Николаевна. Ты знаешь, как она сладкое любит, Коля? Это что-то ужасное. Она и пьет только или наливку сладкую, или ликер, или просто намешает в водку сахару, так что сироп сделается, — и пьет.

Глуховцев. Ты тоже, я заметил, любишь сладкое.

Ольга Николаевна. Я? Нет, я немножко, а она... Господи, вот она!

Показывается Евдокия Антоновна с каким-то офицером. Некоторое время говорит с ним, видимо в чем-то его убеждая и цепляясь за рукав пальто, потом идет к скамейке. Офицер остается на том же месте, вполоборота к сидящим, покручивает усы и отбивает ногою такт. Музыка играет вальс "Клико".

Коля, Колечка!..

Глуховцев. Что это за офицер?

Ольга Николаевна (смущенно). Не знаю, какой-нибудь ее знакомый. Колечка, если она будет звать меня, то, пожалуйста, голубчик, не пускай меня. Выдумай что-нибудь! Идет! Идет! Держи меня, Коля!

Евдокия Антоновна (подходя). Какой прекрасный вечер! Оленька, дитя мое, извинись перед господином студентом. Ты мне нужна на пару слов. Excusez, monsieur! ¹

Ольга Николаевна (грубо). Какие еще слова! Я никуда не пойду отсюда.

Евдокия Антоновна. Оля!

Ольга Николаевна. Нечего кричать, вы тут не дома.

Евдокия Антоновна. Фи, как ты невоспитанна! Прошу вас, господин студент, оставьте нас с дочерью на минуту.

Глуховцев. Я не пойду и Ольгу Николаевну взять не позволю.

Евдокия Антоновна. Что-с? Это вы мне изволите говорить, молодой человек? Как груба нынешняя молодежь! Ольга, поди сюда. Venez ici, Olga!²

Ольга Николаевна. Не пойду!

Евдокия Антоновна. Что-с? *(Очень громко.)* Вы хотите, чтобы я позвала городского? Чтоб я устроила скандал?

Ольга Николаевна. Не кричите, мамаша!

Евдокия Антоновна. Какой-то грубиян, какой-то нахал, какой-то студентиска смеет заявлять: я не пущу! Ты мне смотри, девчонка, дрянь, не забудь, что я тебе вчера говорила. Ну-с?

Ольга Николаевна *(колеблясь)*. Я не хочу.

Глуховцев. Как ты говоришь это, Оля! Если ты не захочешь сама остаться, то ведь я уже не могу удержать тебя. Ты подумай!

Ольга Николаевна. Я боюсь!

Евдокия Антоновна. Ну-с, я жду! Какое нахальство — вмешиваться в чужие дела! Лучше бы поменьше пьянствовали сами, а других учить нечего!

Глуховцев. Если ты двинешься с места, Ольга, то знай, что это навсегда.

Евдокия Антоновна *(негромко)*. Городовой! Пожалуйте сюда, господин городской.

Ольга Николаевна *(плача)*. Я боюсь! Пусти меня, Коля, я, я вернусь!

Глуховцев *(вставая)*. Пожалуйста.

Ольга Николаевна *(хватает его за рукав)*. Нет! нет! не уходи! Что же мне делать, господи!

Глуховцев. Что хотите — выбирайте сами.

Евдокия Антоновна *(отрывает ее от студента)*. Я тебе покажу, девчонка, дрянь! Идешь или нет, говори! Ты меня знаешь, Оленька... ну, идешь?

Ольга Николаевна *(упираясь)*. Не знаю.

Глуховцев. Прощайте, Ольга Николаевна.

Евдокия Антоновна *(тащит девушку)*. До свидания, господин студент, до свидания! Я знаю вашу фамилию и завтра же напишу вашему начальству, какими делами вы занимаетесь на бульваре. Нахал!

Глуховцев. Вы пьяны?

Евдокия Антоновна. Ты меня поил, мальчишка? Гроша за душой нет, а тоже...

Ольга Николаевна. Коля!

Евдокия Антоновна *(уводя дочь)*. Вы компрометируете себя, Ольга. Идем! Идем!

Уходят. Видно, как Евдокия Антоновна представляет свою дочь офицеру: тот щелкает шпорами, бросает быстрый взгляд на студента и предлагает девушке руку. Уходят: офицер и Ольга Николаевна впереди, мамаша плывет на некотором расстоянии сзади. Глуховцев, все это время стоявший, садится на скамью и беспомощно опускает голову на руки. Музыка кончается: около эстрады громкие аплодисменты, и оркестр повторяет вальс "Клик". На свободное место возле Глуховцева садятся двое; высокий, худой парень с длинными мочалистыми волосами и в сапогах бутылками и пожилой, толстый и седой, по виду торговец.

Торговец. Хороша у нас музыка в Москве!

Парень (*подавленно*). Да. Играют бойко. Но только кому это нужно, Никита Федорович?

Торговец. Нет, отчего же? Народонаселению приятно. Все одно зря болтаются-то солдаты.

Парень. С тех пор как умерли мои родители, мне больше негде столоваться, Никита Федорович. Первоначально столовался я у моей замужней сестры, но семья у них, знаете ли, большая, ртов много, а работников один только зять. Вот и говорят они мне: ступай, говорят, Гриша, столоваться в другое место, а мы больше не можем, чтобы ты у нас столовался. И тут совсем было я погиб, Никита Федорович, и решился живота.

Торговец. Ишь ты, как здорово зажаривают, словно с цепи сорвались.

Парень. Ежели и меня, Никита Федорович, кормить досыта и дать трубу, то и я смогу всякие звуки издавать. Пустое это занятие, Никита Федорович. Ну вот... Повстречали меня господин Аносов, и уж не знаю, понравился я им, что ли, или так, но только говорят они мне: поезжай, говорят, Гриша, в юнкерское училище экзамен держать, и вот тебе денег, чтобы мог ты там, пока что, столоваться. (*Вздыхает.*) Но, конечно, экзамена я не выдержал и вот уж два дня, Никита Федорович, заместо того чтобы кормиться, как все прочие граждане, хожу по бульвару и музыку слушаю.

Торговец. Плевое твое дело, Гриша! Какая тут музыка, когда в животе свой орган играет — как в трактире без спиртных напитков.

Парень. И смотрю я в даль моей жизни, как бы мне окончательно не погибнуть. Конечно, будь бы живы мои родители, но они, к сожалению, в царствии небесном, и окончательно мне негде столоваться, Никита Федорович. Только мне и надежды, что на вас.

Торговец. Чего? У меня, брат, и своих ртов много. Не напасешься! Засим честь имею.

Парень. Как же мне? Так, значит, окончательно ничего? Так и погибать?

Торговец. Так, значит, и ничего. Моли бога — он за сирот заступник. Засим честь имею. (*Уходит.*)

Парень некоторое время смотрит ему вслед, поглядывает на студента, видимо желая с ним заговорить, вздыхает и идет сперва налево, а потом направо. Проходит отставной, разбитый параличом генерал; в одной руке костыль, за другую руку его поддерживает очень хорошенькая девушка-подросток, одетая в траур. Из-под густых ресниц девушка взглядывает на Глуховцева, и тот, заметив ее взгляд, вздыхает и поправляет свои молодые, пробивающиеся усы. Скрываясь за поворотом, девушка еще раз через плечо взглядывает на студента.

Генерал (*хрипит*). Дурак! говорю я ему: дурак! — Так точно, ваше превосходительство! — Что так точно? Что так точно? Что ты дурак? — Так точно, ваше превосходительство! — Ты подумай: я ему говорю: дурак! — а он...

Быстро подходят студенты Онуфрий и Мишка.

Онуфрий (*издалека*). Ограбили купца! Держись, Коля!

Мишка. Ликуй ныне, Сионе!

Онуфрий (*подходя*). Трешницу из самого сердца вырвали. Прямо в крови бумажка. Пстой, а где же Ольга Николаевна? Где же она?

Глуховцев молчит. Студенты присаживаются по бокам и в недоумении переглядываются.

Мишка. Что сей сон означает? Что, ее позвали куда-нибудь, что ли?

Глуховцев. Позвали.

Онуфрий. Да что ты, Коленька, что ты так смотришь, будто прослезиться желаешь? Ты меня прости, душа моя, что я вмешиваюсь в твои дела, но мне, ей-богу, противно смотреть на тебя, душа моя. Словно в паток бутылку керосину вылили. Была девица, и ей кушать хотелось, пошла девица с мамашей погулять — ведь она с матерью пошла? — что же тут чрезвычайного? Придет девица, мы ее и покормим, и даже мамашу ихнюю. Зачем же впадать в меланхолию?

Мишка. Конечно, жалко человека. Ты этого, Онуша, не говори. Окромя того — небось совестно: Колька сыт, и, конечно, на голодного смотреть ему зазорно. Так, что ли, Глуховцев?

Глуховцев. Не в этом дело.

Мишка. Так в чем же?

Глуховцев (*тоскливо*). Эх, да разве вы не понимаете?

Онуфрий. Нет, Коля, начинаю что-то соображать. Так вот какие дела, — интересно, очень интересно!

Мишка. Ничего не понимаю.

Подплывает Евдокия Антоновна, одна. Останавливается перед студентами и говорит, жеманничая.

Евдокия Антоновна. Какой приятный вечер, господа студенты. Онуфрий (*кланяясь*). Да, погодка хорошая. Извольте гулять?

Евдокия Антоновна. Да, гуляю. Вам странно, молодые люди, что такая пожилая дама также хочет погулять, музыку послушать?

Мишка. Нет, отчего же. Гуляйте себе, если хочется.

Евдокия Антоновна. Благодарю вас, господин студент! А вас, господин студент,— простите, что до сих пор не могу запомнить вашего имени-отчества... господин Глуховцев, кажется? — а вас прошу об одном одолжении. Вы, вероятно, раньше меня вернетесь домой, так, пожалуйста, скажите там, что Оленька, моя дочь, поехала на два дня на дачу, к знакомым.

Глуховцев, бледный, встает и делает шаг к ней, но Онуфрий, догадавшись, опережает его и подхватывает старуху под руку.

Онуфрий. Вот что, мамаша, вы того, идите-ка себе гулять. Вечер приятный, музыка играет, душа отдыхает. Двигайтесь, двигайтесь, старушка!

Евдокия Антоновна (*упираясь*). Господин Глуховцев!

Глуховцев. Ну?

Онуфрий (*тащит старуху*). Ах, мамаша, неужели вам не жалко ни прически, ни шляпы? Я бы на вашем месте шляпу пожалел, другую такую едва ли отыщете. Это из Парижа?

Евдокия Антоновна. Что-с? Женщину бить? Мальчишка!

Онуфрий (*уводит ее*). Ах, мамаша, да разве вы женщина? Кто вам это сказал, неужели Глуховцев? Не верьте ему, мамаша: он ужаснейший ловелас.

Евдокия Антоновна. Нахал!

Скрываются.

Мишка. Плюнь, брат Глуховцев. Не стоит связываться!

Глуховцев. Я ей сказал: если ты пойдешь, то больше не возвращайся. И она, брат Миша, пошла. Что ты на это скажешь?

Мишка. Значит, дрянь. Что она, гуляющая, что ли, Ольга Николаевна?

Глуховцев. Выходит, что так. Как это дико, как это ужасно, Миша. Вон музыка играет, вон люди гуляют,— неужели это правда? Сидела здесь и была Оль-Оль, а теперь пошла с офицером... С офицером. С каким-то офицером, которого первый раз видит. И это — любовь! (*Смеется.*)

Мишка. Любви, Коля, не существует. Просто, брат, стремление полов, а остальное — беллетристика.

Глуховцев. А я думал, что существует.

Снова проходит та же подкрашенная женщина, напевая: "Я обожаю, я обожаю..."

Подкрашенная женщина. Угостите, коллега, папироской.

Мишка молча достает папироску и огня.

Онуфрий (*подходя*). Ну, Коля, очень я сомневаюсь, чтобы, при наличности такой тещи, вы могли образовать тихое семейство. Но девчонку все-таки жалко: что она, со страху, что ли?

Глуховцев. Да, боится чего-то.

Онуфрий. Ну, конечно, со страху. Голода боится, мамы боится, тебя боится, ну и офицер ей тоже страшен, — вот и пошла. Глазки плачут, а губенки уж улыбаются — в предвкушении тихих семейных радостей. Так-то, Коля: пренебреги, и если можешь, то воспари.

Мишка. Ну так как же, братцы? Чужое добро впрок не идет, — нужно трехрублевку пустить в обращение.

Онуфрий. Я с удовольствием, Миша. К Немцу?

Мишка. Можно и к Немцу. У Немца раки великолепны. За упокой души!

Глуховцев. Чьей души?

Онуфрий. Всякая душа, Коля, нуждается в поминовении.

Блохин (*подходит, запыхавшись*). П... п... пять целковых. С... с... сказал Веревкину, что я его ночью оболью керосином и подожгу. Заплакал, но дал.

Онуфрий (*молитвенно*). Что это будет!

Мишка. Вот подлец! А клялся, что три целковых последние.

Блохин (*оглядываясь*). А... а где же?

Онуфрий (*мечтательно*). Петь хочешь, Сережа?

Блохин (*сердито*). Вот черти! А я думал, что и вправду... вот черти. Куда же, к Немцу?

Глуховцев. Ну и напьюсь же я, братцы.

Онуфрий. Никогда не нужно, Коля, злоупотреблять спиртными напитками. Злоупотребишь — и потянет тебя в тихое семейство. А потянет тебя в тихое семейство — вот тебе, Коля, и капут. Потому что гений и тишина несовместимы, брат.

Мишка. Айда, ребята! Ходу!

Глуховцев. Ну и напьюсь же я!

Блохин (*в упоении*). Вот черти! Эх, поподем же, братцы...

Мишка. Ходу, ходу!

Оркестр играет "Тореадора и Андалузку". Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Меблированные комнаты "Мадрид".

Довольно большая комната, в которой живет Ольга Николаевна с матерью. За деревянной, не достигающей до потолка перегородкой спальня; в остальном обстановка обычная: круглый стол перед проваленным диваном, несколько кресел, зеркало; грязновато; в кресле валяется чья-то юбка.

Сумерки. В открытую форточку доносится негромкий благовест с ближайшей, по-видимому, небольшой церковки: звонят к вечерне.

Ольга Николаевна, вся в черном, бледная, читает у окна "Московский листок". За перегородкой горничная Аннушка убирает постель.

Ольга Николаевна. В "Московском листке" пишут, что опять шесть самоубийств, Аннушка. И все женщины, и все укусовой эссенцией... Как они могут? Вы очень боитесь смерти, Аннушка?

Аннушка (*из-за перегородки*). Кто же ее не боится, барышня?

Ольга Николаевна. Я боюсь смерти. Иногда так трудно жить, такие несчастья, такая тоска, что вот, кажется, взяла бы и выпила. А нет, страшно. И, должно быть, очень больно — ведь она жгучая, эта эссенция.

Аннушка. У нас горничная, которая допрежь меня жила, эссенцией отравилась: мучилась долго, два дня.

Ольга Николаевна. Умерла?

Аннушка. Схоронили. А поздно вы встаете, барышня. Люди добрые к вечерне идут, а вы только-только глазки протираете. Нехорошо это!

Ольга Николаевна. А зачем рано вставать? Не все ли равно! Когда спишь, жизни по крайней мере не чувствуешь. А кроме того, бывают хорошие сны. Аннушка, а студент... Глуховцев дома?

Аннушка. Сейчас к себе в номер прошел.

Ольга Николаевна. Один?

Аннушка. С товарищем с каким-то. Вихлястый такой, на подсвечник похож.

Ольга Николаевна. Уж вы скажете — на подсвечник! Аннушка, голубчик, сделайте мне такое одолжение: когда товарищ уйдет, передайте Глуховцеву вот эту записочку.

Аннушка. Не стоило бы, барышня! Студент они хорошенький, зачем смущать? Ну, уж если вы приказываете, конечно, отнесу. (*Выходит из-за перегородки.*) Где записочка, давайте.

Ольга Николаевна. Вот. Закройте форточку, Аннушка.

Аннушка (*льстиво*). Что я вам хотела сказать, милая барышня. На новом вы теперь положении, офицеры у вас бывают... Я-то что ж, мое дело,

конечно, сторона, но только и белье лишний раз перемены, и хлопот всяких достаточно, вы сами понимаете, милая барышня...

Ольга Николаевна (*отворачиваясь*). Ну?

Аннушка. Говорила я вашей мамаше, и она мне обещали три рубля в месяц платить,— так уж вы напомните им.

Ольга Николаевна. Хорошо. А разве... гости вам ничего не дают?

Аннушка. Да разве их устережешь? Так стараются проشمыгнуть, чтоб ни кот, ни кошка не заметили.

Входит Евдокия Антоновна. Раздевается. Видимо, находится в приятном настроении и временами напевает какой-то романс по-французски.

Евдокия Антоновна. Ступайте, Аннушка, вы нам не нужны.

Аннушка. Я вот говорила барышне насчет трех рублей, помните, барыня милая, что вы обещали.

Евдокия Антоновна. Ах, мой бог! Какая вы, Аннушка, надоедливая. Не беспокойтесь, не пропадут ваши три рубля.

Аннушка. Три с полтиной. Вы мне еще полтинник должны, помните, за тянучками посылали?

Евдокия Антоновна. Вы получите четыре, Аннушка. Ступайте! Вы постель прибрали?

Аннушка уходит.

(*Напевая.*) Нет, это ужас, это какой-то вертеп — стараются грабить прямо-таки среди бела дня! Ты представь, Оля... (*напевает*) сейчас меня зовет этот подлец управляющий и говорит, что мы должны прибавить десять рублей за номер. Это ужас! (*Напевает.*) Скотина! Олечка, хочешь мармеладу? абрикосовский.

Ольга Николаевна. Давайте. (*Не глядя, протягивает руку.*)

Обе едят. Молчание.

Это не абрикосовский.

Евдокия Антоновна (*с ужасом*). Ну что ты говоришь! А клялся, что абрикосовский. погоди, Олечка, не кушай, я все это соберу и брошу ему назад в его подлую харю!

Ольга Николаевна. Мамаша... я не хочу, чтобы сегодня кто-нибудь был.

Евдокия Антоновна. Это что за новости?

Ольга Николаевна. Я не хочу.

Евдокия Антоновна (*угрожающе*). Оля! (*Напевая.*) Об этом

раньше нужно было думать, мой друг: я не позволю, чтобы из-за какого-то каприза какой-то девчонки меня ставили в неловкое положение... Целый день не пивши, не евши бегаю по городу... Вы тут изволили почивать, Ольга Николаевна, а у меня маковой росинки во рту не было... Наконец нашла вполне достойного человека, и вот извольте! Нет, дочь моя, я не позволю, чтоб надо мною так глумились! Если ты не можешь оценить всех жертв, которые я приношу... (*Напевает.*) Впрочем, кушай, Олечка, все равно уж полкоробки он не возьмет. Скотина!

Ольга Николаевна. А кто он, этот?

Евдокия Антоновна. Всего только полковник.

Ольга Николаевна. Полковник?

Евдокия Антоновна. Да-с, полковник. Он, положим, только врач, военный врач, и уже не служит, но по чину — он полковник. И главное, имей это, Олечка, в виду и держи себя прилично, этот человек очень серьезный, не развратник и имеет самые серьезные намерения. Как тебе это нравится — сто рублей в месяц и подарки?

Ольга Николаевна. А тот негодьяй жаловался, что семьдесят пять рублей дорого.

Евдокия Антоновна. Скотина! Вот видишь, Олечка, а ты (*напевает*) упрекаешь меня.

Ольга Николаевна. Хорошо, мамаша. Но только имейте в виду, что уж кроме этого я никого не хочу. Я не желаю быть потаскушкой!

Евдокия Антоновна. Как ты можешь думать это, Оля? Если обстоятельства нас заставили, то ведь нельзя же думать, что это будет вечно!

Ольга Николаевна. Я не желаю быть потаскушкой!

Евдокия Антоновна. Как ты выражаешься, Оля! Да, вот что я хотела тебе сказать: тут этот студент, Глуховцев... ты не будь с ним жестока, Оля. Бедный мальчик без семьи, мне так жаль, что я тогда так сильно погорячилась.

Ольга Николаевна (*кричит*). Не смейте говорить про него! Я прошу вас, чтобы вы никогда о нем не говорили! Это бесчестно!

Евдокия Антоновна. Боже мой, какая дура! Я ей хочу добра, ведь ты же его любишь?

Ольга Николаевна (*кричит*). Мамаша!

Евдокия Антоновна (*утешая*). Ну перестань, Олечка, поверь мне, это так нелепо. Мальчик один, без семьи, ты ему дашь так много любви, — ведь я знаю, какое у тебя сердце, Олечка. Что же тут плохого? Неужели будет лучше, если мальчик станет развратничать, как все они? Ведь это ужас!

Ольга Николаевна. Он не согласится, мамаша.

Евдокия Антоновна. Ну и будет дурак! Тут полковник, почтенный человек, а что такое он, мальчишка, я сама с ним поговорю.

Ольга Николаевна. Нет, нет, мамаша! Не смейте! Я вам не позволю этого!

Евдокия Антоновна (*уступчиво*). Как хочешь, дружок. Вы оба люди молодые, и не мне, старушке, вмешиваться в ваши дела. Ты просто позови его посидеть часочек, и он сам все поймет, когда увидит тебя, моя прелесть. Не хочешь наливочки, Оля? Выпей, голубчик, очень сладкая. А я сейчас (*оправляется перед зеркалом*) поеду за ним.

Ольга Николаевна. За ним? Уже?

Евдокия Антоновна. Конечно, я не позволила бы себе унижаться ради какого-нибудь молокососа, но это такой почтенный человек, да вот ты сама увидишь. И имей в виду, Олечка, он говорит, что привык ложиться рано, так что... ты понимаешь, Оля?

Ольга Николаевна. Ко мне сейчас придет Глуховцев.

Евдокия Антоновна (*испуганно*). Ни в каком случае! Завтра когда хочешь, но сегодня — ни в каком случае. Ты подумай, в какое положение ты ставишь меня!

Ольга Николаевна. Нет, он придет!

Евдокия Антоновна. Оля!

Ольга Николаевна. Нет, придет!

Евдокия Антоновна. Ты хочешь, чтобы я сама с ним поговорила? Пожалуйста, я буду очень рада! Мне уж достаточно надоел этот наглый мальчишка! Грубиян!

Ольга Николаевна. Нет, нет, он сейчас же уйдет.

Евдокия Антоновна. Смотри! (*Звонит.*) Я буду дома, Оля, через час. Пожалуйста, не забудьте, через час!

Ольга Николаевна. Хорошо. Не забуду. Шляпку-то поправьте — на боку.

Аннушка (*входит*). Звонили?

Евдокия Антоновна. Ах, да, моя милая. Пойдите и пригласите сюда студента Глуховцева.

Аннушка. Семьдесят четвертый?

Евдокия Антоновна. Да, в номере семьдесят четвертом. Скажите, что барышня очень просили немедленно прийти. Понимаете — барышня, но не я!

Ольга Николаевна. Чтобы сейчас, Аннушка!

Аннушка уходит. Евдокия Антоновна, уже одетая, целует Ольгу Николаевну в лоб.

Евдокия Антоновна. До свидания, малютка. Да, кстати, ничего, пожалуйста, не кушай, я позабочусь о закуске. Мне не совсем нравится, что ты в черном, Олечка... Но, впрочем, может быть, так лучше, скромнее. Adieu, ma chérie! ¹ (*Уходя, сталкивается в дверях с Глуховцевым, который молча дает ей дорогу.*) Ах, это вы, мой друг! Проходите, проходите, пожалуйста; Олечка дома. Вы простите меня, старушку, что я так погорячилась тогда на

бульваре, но я была несколько в нервном состоянии. Прощаете?

Глуховцев (*глухо*). Я ничего. Пожалуйста.

Евдокия Антоновна. Ах, молодость так великодушна! До свидания, дружок, я очень тороплюсь. (*Ольге.*) До свидания, дитя мое! (*Уходит.*)

Глуховцев. Здравствуйте, Ольга Николаевна.

Ольга Николаевна. Здравствуйте, Николай Петрович.

Глуховцев. Вы хотели меня видеть?

Ольга Николаевна. Да. Присядьте, пожалуйста.

Молчание.

Вы очень похудели... Николай Петрович.

Глуховцев. Нет, отчего же мне худеть? А вот вы, кажется, действительно немножко побледнели. Вы не совсем здоровы?

Ольга Николаевна. Коля!

Молчание.

Глуховцев (*вставая*). Можно уходить?

Ольга Николаевна (*также встает*). Нет, посидите, пожалуйста.

Оба садятся.

Как давно я вас не видела.

Глуховцев. Восемь дней.

Ольга Николаевна. А я думала — больше!

Глуховцев. Нет, восемь дней.

Ольга Николаевна. А как здоровье Онуфрия Николаевича?

Глуховцев. Ничего. Он сейчас был у меня. Он, вероятно, будет у меня жить.

Ольга Николаевна. Да?

Молчание.

А вы помните Воробьевы горы?.. Коля!..

Глуховцев (*резко*). Нет. Вообще я не понимаю, Ольга Николаевна, о чем нам с вами говорить. Я очень удивился, когда получил вашу записочку. Все так ясно...

Ольга Николаевна (*тихо*). Нет, не ясно...

Глуховцев. Вы меня не любите...

Ольга Николаевна (*тихо*). Нет, люблю.

Глуховцев (*вскакивая*). Да? Любите? Тогда зачем же... зачем же тогда, Ольга Николаевна, вы делаете все это? Пожалуйста, объясните.

Ольга Николаевна (*беспомощно*). Колечка...

Глуховцев. Колечка. А как вы того офицера звали—Петечка, Васечка? А как вы того негодяя звали, который третьего дня, ночью, был у вас? Тоже Колечка? Николаев так много. Что же вы молчите? А?

Ольга Николаевна (*плачет*). Что же я скажу! Пожалей меня! Разве ты не видишь, как я несчастна! Я ни одной ночи не спала.

Глуховцев. Офицеры мешали?

Ольга Николаевна. Ты оскорбляешь меня!

Глуховцев. Да разве вас можно оскорбить?

Ольга Николаевна (*гневно*). Николай Петрович!

Глуховцев. Что прикажете, Ольга Николаевна?

Ольга Николаевна (*тихо*). Ты презираешь меня?

Глуховцев. А разве вы можете рассчитывать на что-нибудь другое? Я бы попросил вас, чтобы вы разрешили мне уйти. Меня ждут товарищи.

Ольга Николаевна (*плачет*). И ты... и ты презираешь меня, господи. И никто... и ни одна душа на свете... не видит, что ведь я же девочка... мне еще восемнадцати лет нету... кто же пожалеет меня? Господи! Кому я нужна? Взять бы мне уксусной... эссенции... да и от... равиться.

Глуховцев. Ольга Николаевна! Оля!

Ольга Николаевна (*плачет*). Вон у тебя товарищи... Онуфрий Николаевич... жить с тобою будет. А я с кем? Господи! Разве я виновата, что меня сделали такую? Тогда, на Воробьевых горах, все смеются, все такие хорошие, а я одна, как п-п-потерянная, с-стыдно в глаза смотреть! Кто же меня пожалеет? Господи!

Глуховцев. Мне жаль тебя, мне очень, очень жаль тебя. Но вы подумайте, что же мне делать? Ведь вы же сами захотели, вы сами ушли.

Ольга Николаевна. Она меня увела.

Глуховцев (*гневно*). Как же вы позволили?

Ольга Николаевна. Я... я... боялась.

Глуховцев. Вот, вот, вот, боялась! Вот он, этот страх, который делает вас рабою, игрушкой... потерянной женщиною. Вот, вот!..

Ольга Николаевна. Да разве мне хорошо, Коля? Ну да, я боюсь, у меня нет храбрости, как у других, но ведь я же такая молоденькая! Дай мне пожить, не отталкивай меня, и я, может быть, тоже стану храбрая, не буду бояться, сделаюсь честной. Не отталкивай меня, Колечка!

Глуховцев. Почему ты мне тогда, раньше, не сказала, что ты на содержании?

Ольга Николаевна. Я... я забыла об этом. Мне так хорошо было с тобою, я так любила тебя, что я совсем забыла, какая я, все, все позабыла.

Глуховцев. А завтра же снова придет какой-нибудь покупатель, и вы снова...

Ольга Николаевна (*горячо*). Нет, Коля, клянусь тебе. Я буду работать. Дай мне только оправиться немного, не отталкивай, пожалей меня!

Глуховцев. Это ложь!

Ольга Николаевна. Клянусь тебе, Коля! (*Становится перед ним на колени.*) Приласкай меня, назови меня... Оль-Оль.

Глуховцев. Нет, не надо на колени! Я прошу вас, не надо! Ольга Николаевна! Ах, господи! Оля! Оль-Оль!

Ольга Николаевна (*не вставая*). Вот и назвал... Милый мой, прекрасный мой! Я ведь так, я ведь так люблю тебя.

Глуховцев. Встань, Оля. Не буду говорить, пока ты не встанешь!

Ольга Николаевна. Не сердись, милый. Ты такой великодушный, благородный, как ты можешь сердиться на девочку?

Глуховцев. Встань, встань! Я не могу так.

Ольга Николаевна встает.

Ольга Николаевна. Сядем. Колечка, на диван.

Глуховцев. Нет, нет, Оль-Оль, я лучше похожу.

Ольга Николаевна. Ну походи.

Глуховцев. Ты действительно любишь меня?

Ольга Николаевна. Как же ты можешь сомневаться в этом? Ты посмотри только, какая я измученная: у меня кровинки в лице не осталось. Сегодня утром посмотрела на себя в зеркало, и так стало жалко, что даже заплакала. Молодости жалко, красоты своей жалко. (*Тихонько плачет.*)

Глуховцев. Да. Молодости... Вот ты говоришь, похудел я... А ты знаешь, что я за эту неделю чуть не сошел с ума? Вдруг так неожиданно, так сразу... Я ничего не понимаю. Почему? Зачем? Наконец, что я сделал такое, чтоб меня наказывали так больно?

Ольга Николаевна. Оставь, Коля! Ты ничего не сделал, ты благородный. Я во всем виновата.

Глуховцев. Нет, Оль-Оль. Сделал что-то, я чувствую это,— но что? То, что я ни о чем не думал? Может быть, мне и вправду нужно было задуматься, расспросить тебя, не быть таким неосмысленным теленком, который увидел траву, обрадовался и тут запрыгал... Конечно, к своим поступкам нужно относиться сознательно, особенно когда вступаешь в связь с женщиной. Но понимаешь, Оль-Оль, я ведь ни разу не подумал, что наши отношения могут быть названы связью.

Ольга Николаевна. А разве я думала о чем-нибудь? И разве можно думать о чем-нибудь, когда любишь?

Глуховцев. Ну, ты женщина, то есть девочка, если принять в расчет твои года,— ну а я? Меня Онуфрий называет испанским ослом, а вот как начали мы вместе с ним соображать, так оказалось, что и он такой же осел. Ты знаешь, уже третью ночь мы с ним не спим и все обсуждаем этот инцидент.

Ольга Николаевна. Он против меня, Онуфрий Николаевич?

Глуховцев. Он против тебя и против меня, а сегодня и против себя оказался. *(Гундосит, передразнивая Онуфрия.)* Ты, Коля, дурак, ну и я, Коля, тоже дурак. Знаю только, что тебе не удалось образовать тихое семейство,— но почему, про то написано в энциклопедическом словаре. Осел!

Ольга Николаевна. Нет, я очень люблю его, он прекрасный человек. Колечка, сядь около меня.

Глуховцев. Зачем? *(Садится.)*

Ольга Николаевна *(обнимает его, тихо)*. Помнишь Воробьевы горы?

Глуховцев *(обнимая ее)*. Оль-Оль, ты правда будешь работать?

Ольга Николаевна. Буду, родной. Ты только поверь мне, не торопи меня. Дай мне хоть немного оправиться.

Глуховцев. Но ты же говорила, что ничего не умеешь делать?

Ольга Николаевна. Ты меня научишь всему. Ты умный!

Глуховцев. А ты будешь слушаться? *(Вдруг отталкивает ее, пытаясь высвободиться из ее объятий.)* Нет, Оль-Оль, не надо. Пусти меня. Я опять ничего не понимаю. Где же правда, Оль-Оль? Где же эта проклятая правда?

Ольга Николаевна *(грустно)*. Правды нет на свете, Колечка. *(Снова притягивает его к себе и целует.)*

Глуховцев. Вздор! Есть! *(Целует.)* Есть, Оль-Оль! *(Целует.)*

Ольга Николаевна. Нету, Колечка. *(Целует.)*

Глуховцев. Пусти меня!

Ольга Николаевна. Нет.

Глуховцев. Пусти меня!

Ольга Николаевна. Нет. Нет. Нет. *(Целует его.)*

Глуховцев *(вскакивая)*. Нет, это невозможно! Оль-оль, оставь меня, я схожу с ума!

Ольга Николаевна *(нагоняет его и обнимает)*. Куда же ты? Нет, нет, обними меня! Я тебя люблю. Я тебя люблю.

Глуховцев *(обнимает ее и смотрит прямо в глаза)*. Оль-Оль, очарование мое, ведь это правда? Правда, что ты меня любишь? Правда, что я смотрю тебе в глаза? Что ты опять со мною, мое счастье, моя прелесть?

Ольга Николаевна. Правда, правда! Все правда, мой любимый!

В дверь стучат.

Постой, кажется, стучат!

Глуховцев. Нет, теперь я тебя не пущу!

Резкий стук в дверь.

Ольга Николаевна *(вырываясь)*. Пусти, пусти! Это мама. Уходи

скорее. Потом, потом мы увидимся.

Глуховцев. Почему же уходить? Она же сама сегодня извинялась и...
(Кричит.) Войдите! Войдите!

Евдокия Антоновна (входя и презрительным взглядом окидывая студента). Оля! А вы еще здесь, господин Глуховцев?

Ольга Николаевна. Он сейчас уйдет. Коля, миленький, послушай...
(Ведет его к двери.) Я сейчас, мамаша, я только провожу его до номера.

Глуховцев (вырываясь). Прошу вас не трудиться! Я сам! (Быстро уходит.)

Ольга Николаевна (заламывая руки). Ушел! Коля, Колечка, вернись!.. (Падает на кресло и плачет.)

Евдокия Антоновна (угрожающе). Оля! Это что еще за драмы?

Ольга Николаевна. Все... все пропало. Не увижу я его больше, моего голубчика... И некому меня пожалеть.

Евдокия Антоновна. Оля! Сейчас же извольте умыться и поправить волосы. Это еще что такое — драмы, а? Мальчишка! Студентка!.. Вы слышите? Если ты сейчас же не пойдешь мне и не умоешься, то... Оля!

Ольга Николаевна (грубо). Чего орете? Видите, иду. (Сморкается и, толкнув мать плечом, проходит за перегородку.)

Евдокия Антоновна. Скорей, скорей, Олечка! Он только в парикмахерскую заехал и сию минуту будет здесь.

Ольга Николаевна. Опять мои шпильки вы потаскали. Сколько раз вам говорила: купите себе свои и украшайтесь сколько угодно.
(Презрительно.) Тоже!

Евдокия Антоновна. Скажите пожалуйста, одной шпильки взять нельзя! Лучше бы юбки свои убирала, а не разбрасывала по стульям! Что же, мне так и ходить, распустивши волосы, как Офелия?

Ольга Николаевна. Ведьма!

Евдокия Антоновна. Что-с? Это вы про кого?

Ольга Николаевна. Ведьма!

Евдокия Антоновна. Прошу вас замолчать! И это называется институтское воспитание! Потаскушка! Дрянь!

Ольга Николаевна. А зачем меня продали? Вот и не была бы потаскушка. Ведьма! Черт!

Евдокия Антоновна. Продали? Кто тебя такую купит? Таких, как ты, на бульваре сотни шатаются.

Ольга Николаевна. Мамаша!

Евдокия Антоновна. Ну-с? Я слушаю вас, моя дочь.

В дверь громко и властно стучат. Обе женщины замолкают.

Олечка, полковник. Поторопись, дитя мое. Пожалуйста!.. Entrez,

monsieur.

Фон Ранкен (*входя; одет в штатском*). Здесь?

Евдокия Антоновна (*расцветая*). S'il vous plait!² Пожалуйста! Как я счастлива, полковник! Надеюсь, больной ваш не опасен? Я так много наговорила Олечке о вас, и она ждет не дождется, бедняжка. Оля, дитя мое, ты знаешь, кто пришел?

Фон Ранкен. Вы сказали, почтеннейшая Евдокия Григорьевна...

Евдокия Антоновна (*приседая*). Антоновна, полковник.

Фон Ранкен. Евдокия Антоновна, что вы живете в номере пятьдесят четвертом,— а в действительности ваш номер пятьдесят второй.

Евдокия Антоновна. Разве? Какая ужасная ошибка!

Фон Ранкен. Да, нужно быть внимательнее. И пожалуйста, почтеннейшая, не зовите меня полковник, а зовите просто господин фон Ранкен. А где же Ольга... не знаю, как дальше.

Евдокия Антоновна (*молитвенно*). Зовите ее Оля, господин фон Ранкен: она ведь у меня такая еще девочка. Олечка, тебя ждут.

Входит Ольга Николаевна, сильно напудренная; молча протягивает гостью руку.

Позвольте представить: моя дочь, Оля. Какие очаровательные духи,— ты не знаешь этого запаха, Оленька?

Фон Ранкен. Peau d'Espagne¹. Счастлив познакомиться, Ольга...

Евдокия Антоновна. Оля, полковник, Оля.

Ольга Николаевна. Я тоже очень рада.

Фон Ранкен. Насколько помнится, я имел честь служить с вашим батюшкою в одном полку.

Евдокия Антоновна. Да, да, господин фон Ранкен! Он так много мне рассказывал о вас.

Фон Ранкен. Ну, это едва ли; я тогда только что поступил, и ваш супруг меня не знал. Но я его помню, да, да... Достоинейший был человек, но игра в карты... Не так ли, Евдокия Григорьевна?

Евдокия Антоновна. Ах, не вспоминайте, господин фон Ранкен, это такой ужас! Олечка! Но что же ты, мой друг, молчишь? Отчего не предложишь гостью чаю? Не нужно быть такой застенчивой, дитя мое.

Ольга Николаевна. Хотите чаю?

Фон Ранкен. Нет, я не пью чаю. Но вот, если позволите, я попрошу вашу мамашу... Вот деньги, Евдокия Григорьевна,— здесь двадцать пять рублей — надеюсь, что этого хватит?

Евдокия Антоновна. О, конечно, полковник! Мне, право, совестно...

Фон Ранкен. Но, но, оставьте! Мы будем скромны, Оля, не так ли? Вы чего хотите, Олечка? Пожалуйста, не стесняйтесь.

Ольга Николаевна. Чего хотите, мне, право, все равно.

Евдокия Антоновна. Моя девочка любит ликер, господин фон Ранкен. Такая сластужка!

Фон Ранкен (*морщась*). Ликер? Но тогда этого не хватит.

Евдокия Антоновна. Ах, боже мой! Конечно, можно наливки. Олечка, ведь ты же кушаешь наливку?

Фон Ранкен. Как хотите, почтеннейшая. Но только попроще, я не люблю этих деликатесов, от них только портится желудок. Не так ли, Оля? Ну, ростбиф там, возьмите, цыпленка...

Ольга Николаевна. Омаров возьмите, мамаша.

Фон Ранкен. Конечно, можно и омаров, хотя как врач я не советовал бы вам портить ваш молодой желудок.

Евдокия Антоновна. Может быть, сардин, Олечка?

Ольга Николаевна. Я вам сказала—омаров!

Фон Ранкен. Ну и напитков там... хотя я вообще и не пью, но ради такого приятного знакомства... не так ли, Оля? Будем как дети! (*Смеется.*) Не думайте, Олечка, что если с виду я немного и строг, то не умею резвиться. Нет, я очень, очень умею резвиться!

Евдокия Антоновна. Ах да, Олечка: я и забыла тебе сказать, что Полозовы сегодня звали меня ночевать. Это наши хорошие знакомые, господин фон Ранкен, прекрасная семья! Ты не будешь скучать, девочка?

Фон Ранкен. Надеюсь, не будет. Не так ли, Оля?

Ольга Николаевна. Идите, идите, мамаша! А то запрутся магазины.

Евдокия Антоновна. Ах, мой бог! Я и забыла про эти дурацкие правила.

Фон Ранкен. Почему же—дурацкие? Всякому необходим отдых, почтеннейшая.

Евдокия Антоновна. Я сию минуту! Сейчас!

Ольга Николаевна. Опять у вас шляпа на боку, мамаша. Поправьте.

Евдокия Антоновна уходит.

Фон Ранкен. Дайте мне вашу ручку, Оля. Какая вы скромная!.. Вы всегда такая?

Ольга Николаевна. Всегда.

Фон Ранкен. Я очень люблю скромных. Но... конечно, не во всех случаях жизни. Впрочем, и в ваших глазках я вижу хотя и скрытый, но столь живой огонек,— не так ли, Оля? (*Целует руку.*) А ногти-то у вас не совсем чистые, это нехорошо, ногти нужно чистить...

Ольга Николаевна. Как вас зовут?

Фон Ранкен. Зовите Эдуардом, просто Эдуардом.

Ольга Николаевна. Какое красивое имя.

Фон Ранкен. Не правда ли? Да, имя красивое. Но отчего вы не

улыбнетесь, Оля? Улыбка на молодых устах — это так приятно. Вы умеете петь?

Ольга Николаевна. Умею немного.

Фон Ранкен. О, это очень приятно! Я крайне люблю, чтобы мне в это время пели. Вы не знаете этого романса... впрочем, о романсах потом. А сперва о некоторых очень, очень интимных вещах. Вы позволите? Я буду очень осторожен, моя милая девочка, и ни в каком случае... Вы говорите по-французски?

Ольга Николаевна. Нет, очень мало.

Фон Ранкен. Ах, как жаль! А я предположил было, судя по разговору вашей почтенной матушки, но, впрочем, это не важно... Русский язык также очень хороший язык, не так ли, Оля?

Ольга Николаевна. Я не знаю, о чем вы хотите говорить. Мне мамаша сказала...

Фон Ранкен. О нет, нет! Ваша матушка несколько экзальтированная женщина, и многое ей представляется не совсем так, как оно в действительности. Некоторая поспешность в выводах, не так ли, Оля?

Ольга Николаевна. Говорите, пожалуйста! Я ничего не понимаю.

Фон Ранкен. Видите ли, дитя мое, мое положение... Вам известно, что я врач, что я очень, очень известен в широких кругах публики, но, кроме того, у меня две дочери, обе невесты, и было бы крайне неприятно... Вы понимаете?

Ольга Николаевна. Нет. Почему вы говорите о дочерях, мне до этого какое дело?

Фон Ранкен. Да, да, я понимаю вас! Но одна из них выходит на днях замуж, и было бы крайне неприятно... Будьте со мною вполне откровенны, дитя мое, я прошу вас об этом, я, наконец, требую как врач. Вы понимаете?

Ольга Николаевна. Что вы меня мучаете? Что я должна понимать?

Фон Ранкен. Не волнуйтесь, не волнуйтесь—это вредно. Вы, быть может, опасаетесь вашей матушки? Но даю вам слово, что все это останется между нами, и вы получите столько же, как если бы все было в полном порядке. Не так ли, Оля?

Ольга Николаевна. Да чего вам надо, говорите же!

Фон Ранкен. Скажите, вы не... *(Наклоняется к уху и что-то шепчет.)*

Ольга Николаевна *(отмахиваясь руками)*. Нет, нет, нет! Господи, какая гадость!

Фон Ранкен. Но здоровье, дитя мое...

Ольга Николаевна *(затыкая уши)*. Нет, нет, нет! Молчите, я не хочу вас слушать!

Фон Ранкен *(великодушно)*. Я вам верю. Какая ты наивная, Олечка! Что это, слезы? Ай, ай, ай! Нужно осушить эти милые глазки. *(Целует.)* Не так ли, Оля?

Ольга Николаевна. Хоть бы мамаша поскорее.

Фон Ранке н. Кушать хочется? Сейчас, сейчас покушаем, девочка. Там будут такие вкусные, вкусенькие вещи... Омары, например... Не так ли, Оля? Но, быть может, вы бы спели мне что-нибудь в ожидании вашей матушки?

Ольга Николаевна. А вы что хотите?

Фон Ранкен (*поднимая руку*). Только не цыганское, прошу вас! Как жаль, что вы не знаете немецкой музыки. Впрочем, почему же я говорю "вы"? Ведь мы на "ты", Оля, не так ли? (*Обнимает.*)

Ольга Николаевна. Оставьте, сейчас мамаша придет!

Фон Ранкен. Ну, мамаша!

Ольга Николаевна. Я лучше буду петь. Вы что хотите?

Фон Ранкен. Я бы хотел, прелестная фея, чтобы вы мне спели один немецкий романс. Это такой печальный, такой трогательный романс!

Ольга Николаевна. Я не знаю по-немецки. Хотите, я спою вам: "Ни слова, о друг мой, ни вздоха!"

Фон Ранкен. Это грустно?

Ольга Николаевна. Да, очень грустно.

Фон Ранкен. Ах, пожалуйста! Я прошу вас. (*Садится поудобнее.*)
Итак, Оля!

Ольга Николаевна (*поет*).

Ни слова, о друг мой, ни вздоха. Мы будем с тобой молчаливы.

Ведь молча над камнем, над камнем могилы склоняются грустные ивы...

Евдокия Антоновна (*вваливается с покупками, за ней мальчик из магазина с кульками*). Вот и я! Ах, моя пташечка,— как она распелась!

Фон Ранкен (*поднимая руки*). Какое пиршество! Какое пиршество!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната. Вечер. Никого нет. Растворяется дверь, и из освещенного коридора входит, нагруженная покупками, Евдокия Антоновна. Как-то растрепана вся; плохо причесана, иссера-седые волосы лезут из-под шляпы; запыхалась и тяжело дышит. За нею следом входит молодой офицер, невысокий, очень полный, слегка пьян; также нагружен покупками.

Офицер. Мамаша, что же это такое? Это же недопустимая вещь, мамаша! Я решительно отказываюсь это понять, мамаша!

Евдокия Антоновна (*зажигает дрожащими пальцами лампу*). Сейчас! Ох, сейчас, Григорий Иванович! Все будет. Сюда, сюда покупки, на диван!

Григорий Иванович. Нет, мамаша, это, честное слово, недопустимо. Я настроился так прекрасно, а она вдруг взяла и убежала.

Выхожу из магазина, а ее уж нету. Нет, мамаша, это нетактично! Ваша Оля очень милая девушка, но, честное слово, это нетактично.

Евдокия Антоновна. Ах, она такая скромная. Она сейчас придет, Григорий Иванович, она только на минутку.

Григорий Иванович. Я совсем приготовился, полон воодушевления! Жажду общества и света — и что же? Что я нашел? Пустую комнату и проваленный диван, на котором даже сидеть нельзя. Мамаша! Это недопустимо.

Евдокия Антоновна. Вы выпейте пока, Григорий Иванович, рюмочку коньяку. Я сейчас приду с нею, я знаю, где она.

Григорий Иванович. Один? Никогда в жизни! Вы оскорбляете меня, мамаша: я могу пить только в избранной компании. Но какое разочарование, мамаша!

Евдокия Антоновна. Ах, мне так совестно, Григорий Иванович, я так убита! Какая глупая девчонка! *(Соображая.)* Ах, вот что, Григорий Иванович: тут в номерах есть у нас хороший знакомый, студент. Такой славный мальчик...

Григорий Иванович. Что? Студент? Мамаша, отчего же вы мне раньше не сказали? Да я вас озолочу, мамаша! Я так люблю студентов, я так давно жажду их просвещенного знакомства, и что же? У нее под боком студент, а она молчит. Зовите его, мамаша, немедленно зовите его!

Евдокия Антоновна. Ах, он такой застенчивый: я боюсь, согласится ли он пойти сюда. Если бы вы сами, Григорий Иванович, потрудились...

Григорий Иванович. Какой номер?

Евдокия Антоновна. Семьдесят четвертый.

Григорий Иванович. Слушаю-с. Приготовьте выпивку и закуску, мамаша. *(Выходит.)*

Евдокия Антоновна готовит закуску; выковыривает изюм из хлеба и глотает сласти. Голова ее немного трясется.

Евдокия Антоновна *(бормочет)*. Дрянь, девчонка! Бегай для нее, да. У меня ноги не купленные, да. Вот умру — тогда посмотришь... Девчонка! Дрянь! Одного упустила, а теперь этого. Тоже дурак — "мамаша"! Будь я твоя мамаша, я б тебе показала. Скотина! Где я искать ее буду? А? Ноги-то у меня не купленные, насилу хожу. Дрянь! А ликер хороший. *(Напеваает по-французски, но задыхается.)* До чего довела свою мать, бесстыдница: дышать не могу! *(Опять пробует петь и опять задыхается.)* Ну и не надо. Тоже дурак: "мамаша"! Послушал бы, как я пела... Получше твоей Оленьки... Измучилась я. Такие скоты кругом, такие скоты! Этот тоже: полковник, да "фон Ранкен", да "рано ложусь спать", да "почтеннейшая"... Измучил девочку, и за все про все — извольте, десять рублей. Скотина! Да я

горничной больше плачу... Мне бы нужно воды какие-нибудь пить... А ну вас всех к черту!

Входят слегка выпившие Глуховцев и Онуфрий; их сзади подталкивает Григорий Иванович.

Григорий Иванович. Прошу, прошу до нашего шалашу. Я так счастлив, господа! Я так безумно счастлив, что в недрах, так сказать, на дне пучины, открыл источник просвещения. Мамаша, не один, а целых два!

Евдокия Антоновна. Ах, как я рада, господин Глуховцев! Как поживают ваши? Давно ли получали письма из дому?

Глуховцев. Здравствуйте. Что ж, пойдем, что ли, Онуша? Все равно, где пить-то.

Онуфрий (*тихо*). А скандалить, Коля, не будешь?

Глуховцев. Ну вот еще!

Онуфрий. Смотри, а то лучше уйдем.

Глуховцев. Да нет же, чего пристал?

Григорий Иванович. Онуфрий Петрович, Николай Николаевич, прошу! Приободритесь, мамаша!

Онуфрий. А если наоборот, то и совсем будет хорошо. Онуфрий Николаевич и Николай Петрович. А вас, кажется, Григорий Иванович?

Григорий Иванович (*козыряя*). Подпоручик Миронов, честь имею. Из глуши провинции, из дебрей невежества. Жажду просвещения, общества и света!

Онуфрий. А коньячку? Тут я вижу как будто бы коньяк, если только органы зрения не вводят меня в заблуждение. Впрочем, орган обоняния подтверждает коньяк.

Григорий Иванович. Мамаша, какой разговор! Вы можете в этом что-нибудь понять? Ах, господа студенты, я так безумно счастлив, что встретил вас. Вы не можете представить, до чего стосковался я о хорошем разговоре.

Евдокия Антоновна. Я сейчас вернусь, Григорий Иванович.

Григорий Иванович. Ах, да! Ну конечно, ну конечно... Скажите ей, мамаша, чего она боится? Ведь я же не волк и не троглодит. Тащите ее сюда, мамаша!

Глуховцев. Это — Ольгу Николаевну?

Григорий Иванович. Да, Оленьку! Такая очаровательная девушка, я подумал, курсистка, честное слово! Вам, мамаша, может быть, на извозчика надо? Погода дрянь. Так нате! (*Вытаскивает из кармана мелочь и бумажки и сует ей в руку.*) Лихача возьмите, мамаша.

Евдокия Антоновна (*жеманничая*). Ах, Григорий Иванович! Это уж совсем лишнее!

Григорий Иванович. Пустяки, мамаша, пустяки.

Глуховцев. Берите, когда дают.

Евдокия Антоновна. Вы так думаете, господин Глуховцев: всегда нужно брать, когда дают? Хорошо-с, я возьму. Благодарю вас, мой друг, за деньги, а вас за совет, господин Глуховцев. *Adieu, mes enfants!* ¹ Лечу, лечу!

Онуфрий (*торопливо*). А вы, как мне сдается, очень добрый человек, Григорий Иванович.

Григорий Иванович. Я-то? Ах, Онуфрий Николаевич! Друг мой единственный: я ведь по натуре студент, ведь это (*указывая на одежду*) одно роковое недоразумение, жестокая игрушка загадочной судьбы.

Онуфрий. Скажите, какое роковое совпадение и даже трагическое сходство! Я ведь по натуре человек совершенно непьющий...

Григорий Иванович (*в восторге*). Да что вы!

Онуфрий. Клянусь Геркулесом!

Григорий Иванович. Выпьем, Онуфрий Николаевич.

Онуфрий. С удовольствием, Григорий Иванович!

Чокаются.

Григорий Иванович. За натуру!

Онуфрий. За натуру!

Григорий Иванович. А вы что же, коллега? Рюмочку водочки, а? Вот икра, сам в Охотном ряду брал. Какая это роскошь, ваш Охотный ряд!

Глуховцев. Я лучше коньячку.

Онуфрий. Коньячок, Коля, пьют из рюмочки, а не из стакана.

Глуховцев. Душа меру знает!

Григорий Иванович. Совершенно справедливо! Изумительно верно! У меня товарищ есть, так тоже не может иначе — давай, говорит, Гриша, стакан. Когда душа горит, из наперсточка ее не зальешь.

Глуховцев. Верно!

Григорий Иванович. Выпьем, Онуфрий Николаевич!

Онуфрий. С удовольствием, Григорий Иванович. Давно изволили прибыть?

Григорий Иванович. Три дня. Слеплен! Раздавлен! Ошеломлен!!! Вы, господа студенты, уже привыкли к Москве, а я как взглянул на всю эту роскошь, культуру, на все эти плоды просвещения, — по подбородку у меня скатилась слеза. А Минин-то? А Пожарский-то?

Онуфрий. Уже были где-нибудь?

Григорий Иванович. Как же-с. Везде, палаты бояр Романовых... Да позвольте, у меня тут на бумажке все записано... (*Роется в кармане.*) Нет, не то. Ах, черт! Куда ж я ее девал?.. Не отдал ли еще мамаше вместо трехрублевки.

Онуфрий. А это зачем же билет от конки, Григорий Иванович? Для

коллекции?

Григорий Иванович. Храню. Надо будет там показать. Ах, вот, ну слава богу! (*Читает.*) Третьяковская галерея... Но какая это роскошь! Репин, например! Храм Спасителя. Театр Омон. Румянцевский музей.

Онуфрий. Ага! И у Омоши успели побывать. Ну как?

Григорий Иванович. Онуфрий Николаевич, вы, может быть, смеетесь надо мною, а я, ей-богу, так растроган всем этим, я ведь три ночи так и не ложился! Только тем и отмечаю время, что по утрам умываюсь и пью водку, а к ночи пью ликер и Шато-Марго. И когда я умоюсь и сажусь за водку, то это я называю начать новую жизнь. Выпьем за новую жизнь!

Онуфрий. С удовольствием, Григорий Иванович. Вы мне положительно нравитесь. С вами, должно быть, здорово можно выпить? Вот многие этого не понимают, Григорий Иванович, а по моему мнению, только на третий день начинается приятное пьянство. Чтобы душа разговорилась, нужно ее подготовить, а не то чтобы сразу: на, душа, рюмку водки и разговаривай.

Григорий Иванович. Верно! Ах, как изумительно верно! Выпьем, Онуфрий Николаевич, на брудершафт!

Онуфрий. Немножко рано, но в предвидении дальнейшего... я думаю, можно ускорить естественный ход событий. Верно, Коля? Что так тарацишь глаза? — не тараци, брат, не надо. Это делает тебя похожим на вареного рака.

Глуховцев. Радуюсь.

Онуфрий. Ну и радуйся, черт с тобой! Не люблю я, Коля, слюнтяев!

Григорий Иванович. Готово. Пожалуйте.

Встают и торжественно пьют на брудершафт: руку через руку, трижды целуются, сплевывают в сторону и ругаются.

Онуфрий! Друг!

Онуфрий. Григорий! Ангел!

Глуховцев (*находит в углу шашку офицера и пробует ее*). Это ваша?

Григорий Иванович. Это? Да. Только осторожнее, коллега, она отпущена.

Онуфрий. Оставь, Коля! Не люблю я, когда дети берут в руки что-нибудь острое.

Глуховцев. Григорий Иванович, покажите-ка приемы.

Григорий Иванович. С наслаждением, коллега. (*Становится, пошатываясь, в позицию и показывает приемы.*)

Онуфрий. Здорово!

Григорий Иванович (*несколько запыхавшись*). Я, Онуша, два приза взял: один за шашку, а другой за стрельбу из револьвера. Вот погляди-ка, брат, какие часы. Что, здорово?

Онуфрий. Здорово. Ты обо мне, Гриша, плохо не думай: у меня тоже шпага есть,— этакий толедский клинок. И когда я живу в тихом семействе, то ковыряю им в самоваре. Меня за это очень любят, Гриша, в тихих семействах.

Глуховцев. А вы где познакомились с Ольгой Николаевной?

Григорий Иванович. С какой Николаевной? Ах, да, с Оленькой-то? Да у Омона, коллеги! Они там с мамашей вчера прогуливались. Какой букет роскошных женщин! Какой свет! Какое общество! Но только вчера я был немного выпивши... Постой, был я вчера у цыган или нет? Вот история. Не то третьего дня... Все, брат, перепуталось. Вчера, вчера! Ах, как они поют. Онуша!

Онуфрий. Не нравится мне эта мамаша, чтоб ей трижды лопнуть.

Григорий Иванович *(убежденно)*. Дрянь! И не говори, Онуша, ужаснейшая дрянь. А девчоночка хорошенькая и совсем на это не похожа. Даже жалко!

Глуховцев. Жалко?

Онуфрий. Жалость, дети мои, вредное чувство. Так сказал Заратустра.

Григорий Иванович. Верно! А кто это Заратустра?

Глуховцев. Мудрец.

Григорий Иванович. Люблю мудрецов! *(Наклоняясь, почти шепотом.)* Вот скажите мне, коллеги, предложу я вам один очень важный вопрос для существования человека: есть бог или нет? У нас в полку говорят...

Короткий стук в дверь; входят Евдокия Антоновна с Ольгой Николаевной.

Евдокия Антоновна *(задыхаясь)*. Вот и мы! Она у подруги была, на минутку за нотами забежала. Оленька, мой друг, ты со всеми знакома?

Ольга Николаевна *(из передней)*. Дайте хоть раздеться, мамаша.

Григорий Иванович *(устраемляясь в переднюю)*. Оленька, дружок, ты что же это вздумала? Какая чудачка! Испугалась, а? Ну, ничего, ничего, раздевайся. Пойдем поскорее, я тебе покажу,— тут такой, брат, славный народ! Позвольте представить, господа: Оленька.

Ольга Николаевна, не ожидавшая встретить ни Глуховцева, ни Онуфрия, испуганно делает шаг назад. Студенты молча здороваются, и Глуховцев целует руку.

Ольга Николаевна. Я и не знала, что вы у нас. Мамаша, отчего же вы мне ничего не сказали?

Евдокия Антоновна. Ах, Оля! Я хотела тебе приготовить маленький сюрприз.

Григорий Иванович. Я безумно счастлив: такой свет! Такое

общество! Господа, на середину стол! Да прибодритесь, мамаша! Чего там! Тут такое воодушевление, такой восторг!

Онуфрий. Бутылки надо снять, а то побьются.

Григорий Иванович. Хорошо бы самоварчик, мамаша! Для полноты картины! Ты выпьешь чайку, Онуша? С ромом, а? Так хорошо, прозябши!

Евдокия Антоновна. Ах, какой очаровательный характер! Сейчас будет и самовар. *(Выходит.)*

Григорий Иванович и Онуфрий готовят стол; Ольга Николаевна и Глуховцев стоят у двери в прихожую.

Глуховцев *(к Ольге Николаевне)*. Вы зачем сюда пришли?

Ольга Николаевна *(умоляюще)*. Коля! Боже мой, ты пьян?

Глуховцев. Вы зачем сюда пришли?

Ольга Николаевна. А вы зачем пришли сюда, Коля? Я боюсь вас.

Глуховцев. Чтоб видеть вас—ведь я же влюблен. Вы помните Воробьевы горы?

Ольга Николаевна. Не мучай меня! Ведь я от него убежала, Коля, я не хотела.

Глуховцев. А потом прибежала? Захотела?

Григорий Иванович. Готово! Пожалуйте! Нет, нет, Онуша, ты возле меня, я с тобой не расстанусь. А ты, Оленька, сюда, по левую руку... Что, озябла, дружок? Ручки-то у тебя какие холодные! Ничего, брат, выпьешь, и сейчас все пройдет. Боже мой, какая роскошь!

Онуфрий. Да, совсем как в лучших домах.

Глуховцев. Ты про какие дома говоришь, Онуфрий?

Онуфрий. Ах, Коля, боюсь — вреден тебе коньяк: говорил — не надо пить из стакана.

Глуховцев *(громко)*. Ты про какие дома говоришь? Я тебя спрашиваю.

Ольга Николаевна. Дайте мне конфет, Онуфрий Николаевич.

Глуховцев. Передай, Онуфрий! Ольга Николаевна очень любит сладкое!

Григорий Иванович. Все девицы любят сладкое. Кушай, Оленька, кушай — конфет хватит, а не хватит, так еще возьмем. В Москве удивительные конфеты, Онуша, я уже взял пять фунтов, чтобы домой отвезти, да, кажется, у цыган позабыл.

Евдокия Антоновна *(входя)*. Вот и самовар несут. *(Обиженно.)* А мне местечка не оставили: нехорошо, молодые люди, нужно старость уважать.

Григорий Иванович. Мамаша, да что вы! Как можно без вас! Подвиньтесь немного, коллега.

Евдокия Антоновна. Какое приятное соседство, господин Глуховцев.

Ольга Николаевна (*тихо*). Григорий Иванович, дайте, пожалуйста, ей рюмку коньяку, она очень озябла. На дворе такая слякоть.

Григорий Иванович. Ну, конечно. Мамаша! Коньячку! Финшампань!

Глуховцев. Говорят, что в обществе шептаться неприлично!

Онуфрий. Ах, Коля, как ты тонко изучил хороший тон: советую тебе купить лаковые ботинки и открыть танцкласс.

Евдокия Антоновна. Господин Глуховцев совсем не похож на учителя танцев: учителя танцев всегда такие веселые, такие элегантные, а господин Глуховцев очень, очень мрачный юноша.

Григорий Иванович. Мрачность? Какая мрачность? Тут такое воодушевление, мамаша, душа разговаривает с душою, и в небесах поют птицы. Вам, мамаша, нужно гордиться, что вы в такой компании, где царствует свет разума и млеко просвещения! (*Со слезой.*) Мамаша, ты чувствуешь, что это называется тужурка, студенческая тужурка! За твое здоровье, Онуша! Давай поцелуемся!

Коридорный в замасленном сюртуке вносит самовар.

Ольга Николаевна. На тот столик поставьте, Петр.

Григорий Иванович. Петр! Петруша! На-ка, брат, рюмочку, выпей.

Петр (*мрачно*). Нам нельзя.

Онуфрий. А ты, Петр, притворись, что можно.

Григорий Иванович. Ну, ну, притворяйся поскорей, Петруша.

Петр (*отвернувшись, выпивает; мрачно*). Благодарим. (*Уходит.*)

Евдокия Антоновна (*жеманничая*). Дайте мне секоладочку, я так хочу секоладочку.

Онуфрий. Какое очаровательное бебе! Натe, дусецка, секоладочку.

Евдокия Антоновна. Мелси. (*Жадно набрасывается на еду и питье, но пьет только наливку и ликер.*)

Григорий Иванович (*запевает*).

Быстры, как волны, все дни нашей жизни.

Онуфрий. Врешь, как Блохин, Гриша! Покажем ему, Коля. Буде, брат, дуться! Жизнь коротка, а водки много.

Григорий Иванович. Коллега, пой! Ведь я этой минуты, может, двадцать лет ждал! Студенческие песни, господи боже мой, да ведь никто не поверит, как рассказывать начну. Окажи честь, смилуйся, коллега. (*К Онуфрию.*) Что, он хорошо поет, а?

Онуфрий. Хорошо. Начинай, Коля.

Глуховцев (*громко*). Онуфрий, ты помнишь Воробьевы горы?

Онуфрий. Если, Коля, я буду помнить все места, на которых я пролил

слезу, то мое воображение подмокнет. Буде дурачиться. Пой. (*Запевает.*)

Быстры, как волны...

Григорий Иванович.

Все дни нашей жизни.

Глуховцев (*пристально глядя на Ольгу Николаевну*). Что час, то короче к могиле наш путь.

Хором.

Налей же, товарищ, задравную чару,

Кто знает, что с нами случится впереди.

Григорий Иванович. Какие слова, мамаша! Вы только вслушайтесь. (*Поет.*)

...задравную чару.

Глуховцев (*протягивает рюмку к Ольге Николаевне*). Чокнемся!

Ольга Николаевна. Я не хочу пить.

Глуховцев. Напрасно. В вашем положении без этого нельзя.

Онуфрий (*запевает*).

Умрешь — похоронят...

Григорий Иванович.

Как не жил на свете...

Глуховцев (*глядя на Ольгу Николаевну*).

Уж снова не встанешь к веселью друзей...

Хором.

Налей же, товарищ, задравную чару,

Бог знает, что с нами случится впереди.

Евдокия Антоновна. Что же ты не поешь, Оленька? У нее такой прекрасный голос, Григорий Иванович. Я все мечтала для нее о консерватории.

Ольга Николаевна. Вытрите рот, мамаша. Вы вся перепачкались шоколадом.

Григорий Иванович. Оленька, что же ты не поешь, в самом деле, а? И не пьешь ничего? Это недопустимо! Мамаша, скажите ей, что это нетактично. Тут такой народ!.. Выпей, Оленька, сладенького.

Ольга Николаевна. Я не хочу. У меня голова болит.

Глуховцев. Пей!

Григорий Иванович. Ну зачем так, коллега? Она и так выпьет. Кушай, Оленька.

Глуховцев. Пей! Все проститутки пьют.

Евдокия Антоновна. Что-с? Что вы изволили сказать, господин Глуховцев?

Онуфрий. Оставь, Коля! А то уйду сейчас!

Глуховцев (*стучит кулаком по столу*). Пей, проститутка!

Онуфрий (*хватая его за руку*). Оставь, Коля! Не смей! Ты с ума сошел!

Евдокия Антоновна. Мальчишка! Грубиян! Как вы смеете! Я не позволю, чтобы мою дочь оскорбляли!

Глуховцев. Молчи, дрянь!

Ольга Николаевна. Молчите, молчите, мамаша! Коля! Колечка, опомнись!

Евдокия Антоновна. Я не позволю! Что же это такое? Ворвался в дом и оскорбляет. Господин офицер, хоть вы заступитесь за женщину.

Онуфрий (удерживая). Сиди, Гриша!

Григорий Иванович. Позволь, Онуфрий! Не мешай. Послушайте, коллега, это нехорошо. Это не по-студенчески. Зачем оскорблять женщину? Это очень нетактично. На вас мундир, молодой человек!

Глуховцев (вставая). А ты кто?

Ольга Николаевна. Коля!

Онуфрий. Да сиди же, Гриша, сиди!

Григорий Иванович (встает). Я? То есть как это? Вы что хотите этим сказать? И кто вам дал право тыкать?

Глуховцев. А ты кто? Говори!

Григорий Иванович. Прошу замолчать!

Глуховцев. Ты — подлец.

Григорий Иванович. Что? *(Рвется к Глуховцеву, но его с обеих сторон удерживают Ольга Николаевна и Онуфрий.)* Повтори! Пустите меня!

Глуховцев. Подлец! Слышал? Говоришь о чести, о жалости, а сам девчонок покупаешь?

Григорий Иванович (задыхаясь). Что? Что? Что? Пустите меня, я вам говорю! Руки прочь!

Смятение. Крики. Евдокия Антоновна визжит: "Вон! Вон!" — и лезет к Глуховцеву. Тот отпихивает ее, и она падает на диван.

Евдокия Антоновна. Убил! Спасите! Убил!

Григорий Иванович (вырываясь). Пустите, я вам говорю. А-а-а, черт! Ну-с! Теперь поговорим. Что вы изволили сказать?

Глуховцев. А вот что. *(Быстро отскакивает в угол и вытаскивает шашку.)* Ну, иди.

Онуфрий. Коля, брось! Брось!

Ольга Николаевна *(бросается к Глуховцеву)*. Колечка! Опомнись! Опомнись! Что с тобою?

Глуховцев *(вертит шашкой над головой)*. Отойди! Зарублю!

Евдокия Антоновна. Спасите! Спасите! Убил!

Онуфрий. Да замолчи ты, кляча!

Григорий Иванович *(роется в кармане, бормоча)*. Ага, так вот что! Засада! Ну погоди ж ты! Погоди!

Глуховцев *(к ногам которого прицепилась Ольга Николаевна)*. Не мешай, слышишь? Мне вон того надо! Пусти, а то зарублю!

Григорий Иванович *(вытаскивая револьвер)*. Ага! Вот оно.

(Наводит револьвер на Глуховцева.) Ну-с, как вас там... девица, головку вашу примите, а то могу и промахнуться.

Ольга Николаевна (почти в истерике). Нет, нет, нет! Убейте! Убейте!

Онуфрий. Вы с ума сошли, коллега!

Охватывает сзади офицера и валит его на пол. Борьба. В свою очередь Ольга Николаевна, крепко обняв Глуховцева, отбирает от него шашку.

Глуховцев (садясь в кресло и беспомощно закрывая лицо руками). Оля, Оля, что ты сделала со мною?

Онуфрий (задыхаясь, протягивает сверху револьвер). Револьвер, револьвер возьмите! Ты, старая чертовка, скорей!

Григорий Иванович (ворочаясь). Нет, погоди!

Онуфрий. Ольга Николаевна, вы!

Ольга Николаевна. Сейчас! Сейчас! (Хватает револьвер и бежит с ним в спальню.)

Глуховцев (покачивая головой). Оля... Оля...

Евдокия Антоновна. Ах! Ах! Ах!

Онуфрий (поднимаясь). Ну, буде, Гриша, повалялись, и достаточно. Вставай-ка, брат!

Григорий Иванович (бешено). Это, это засада! Все... скопом! Револьвер давай.

Онуфрий (обнимая его). Ну, Гриша, ну, голубчик, плюнь на это дело! Никакой засады нету. Просто напился мальчишка. Видишь, сидит, и юни распустил.

Григорий Иванович. Нет, но какое он имеет право?

Онуфрий. Пьяный-то? Будь же великодушен, Гриша. Ведь он мальчишка!

Евдокия Антоновна (приходя в себя). Вон! Господин Глуховцев, я прошу вас оставить нашу квартиру. (Вдруг горько плачет.) За что? Господи, за что?.. Всю жизнь... Унижения... Кто дал вам право? Оля! кто дал им право над нами, несчастными? Оля! (Плачет.)

Григорий Иванович. Нет, Онуфрий, он должен извиниться. Я не могу оставить это так. Всякий мальчишка...

Онуфрий. Ну и извинится, эка важность! Ты думаешь, Гриша, он помнит, что он болтал? Колька, иди извинись!

Григорий Иванович. Да. Я требую извинения.

Ольга Николаевна. Он сейчас, он сейчас извинится. Колечка, родной мой!

Онуфрий (подходя к Евдокии Антоновне). Вот что, мамаша, вы того, уходите отсюда. Да и Оленьку возьмите. А то опять не вышло бы чего. Видите, какие они оба Аники-воины. Упарился я, точно маневрами

командовал.

Евдокия Антоновна (*плача*). Куда я пойду? Опять на улицу? У меня и то ноги, как гуща. Куда вы меня гоните?

Онуфрий. В наш номер ступайте, да потихоньку, чтоб Колька не заметил.

Григорий Иванович. Онуфрий Николаевич, я жду!

Онуфрий. Не торопись, Гриша. Дай ему очухаться! Выпей пока рюмочку.

Григорий Иванович. Ты благородный человек, Онуфрий. Ты понимаешь, что я не могу этого оставить.

Онуфрий. Понимаю, Гриша, понимаю, как не понять! Вот что, Оленька (*тихо*), возьмите-ка вашу мамашу и айда в наш номер и ночуйте себе, там две постели, а мы тут. Этакое "changez vos places" ¹.

Ольга Николаевна. Я не могу его оставить. Я боюсь этого офицера.

Онуфрий. Да разве вы не понимаете, что это от вас все, от вас! Уходите! А я его сейчас так накачаю, что и про вас забудет.

Ольга Николаевна. Голубчик! (*Тацит мать.*) Идемте, идемте, мамаша.

Евдокия Антоновна (*плача*). Куда я пойду? (*Идет, шатаясь и не видя дороги.*)

Ольга Николаевна ведет ее и на ходу быстро целует руку Онуфрия.

Онуфрий. Ольга Николаевна, что вы!

Григорий Иванович (*почти плача*). Нет, за что он меня, Онуша? Что я ему сделал? Я к нему с открытым сердцем, коллега, а он... Приехал в Москву, думал: хорошие люди, студенты...

Онуфрий. Он сейчас, Гриша, сейчас! Послушай, Коля, если ты не извинишься сейчас перед моим другом, перед Григорием Ивановичем, то ты свинья и больше ничего, и я тебе не товарищ. Понял?

Глуховцев. Чего ему надо?

Онуфрий. Надо, чтобы ты извинился. Ты пьян и обидел его.

Глуховцев. Ну и пьян. Ну и обидел. Ну и извиняюсь. Как вы мне все надоели!

Онуфрий. Гриша, он извинился. Ты слышал?

Григорий Иванович. Слышал. Да ну его и вправду к черту! Мальчишка! Сопляк! Выпил две рюмки и насосался. Ведь если бы не ты, Онуша, я б его застрелил, как собаку, и вот все.

Онуфрий. Эх, Гриша, все мы люди, все мы человеки, да и собаку-то убивать надо подумавши. Поверь мне, оба вы, и ты и он, прекрасные люди; а просто так: роковая судьба и жестокое сцепление обстоятельств. (*Тихо.*) Ты знаешь, ведь он эту девчонку любит.

Григорий Иванович. Вот дурак! Отчего ж он раньше мне об этом

не сказал? Очень мне нужна его Оленька. Разве я за этим приехал? Только ты один понимаешь меня, Онуфрий... Поцелуй меня, Онуша!

Онуфрий. С удовольствием, Гриша. Ты, ей-богу, лучше, чем ты сам об этом думаешь. Колька, иди коньяк пить!

Глуховцев. Где?

Онуфрий. Где? Вот, перед носом. Совсем ты, брат, разлимонился.

Григорий Иванович. Послушайте, коллега, я, ей-богу, не знал.

Онуфрий. Слышишь, Колька? Поди поцелуй его.

Григорий Иванович. Что ж, если от чистого сердца, я готов.

Онуфрий. Еще бы не от чистого! Ах, дети мои! До чего я люблю тишину, спокойствие и порядок. В небесах благоволение и на земле коньяк с сахаром и с лимоном.

Григорий Иванович. Ты поэт, Онуша! Ты, наверно, стихи пишешь. Прочти-ка, брат, что-нибудь такое, а?

Глуховцев (*подходя*). Где коньяк?

Онуфрий. Не дам, пока не поцелуешь. Что тебе, губ жалко, что ли?

Глуховцев. Ну ладно! Ты на меня не сердись, товарищ. Мне, ей-богу, нехорошо. Давай поцелуемся.

Григорий Иванович. И ты на меня не сердись.

Целуются.

Онуфрий. Так, так! Действуй, ребята! И до чего приятно выпить теперь коньячку,— так это в романах только бывает. Ну, роман что? Роман — беллетристика, а это, Гриша,— святая действительность. Кувырнем.

В двери показывается, прислушиваясь, Ольга Николаевна; Онуфрий машет ей рукой, она скрывается.

К черту! Завтра же беру чемодан и переезжаю в тихое семейство... Вот они, объявления-то, выбирай только. (*Тащит из кармана кучу вырезок.*) Не знаю, Гриша, на чем только остановиться. Есть тут один учитель с немецким языком... Как ты думаешь, с немецким языком тише будет или нет? Я думаю, что тише. Язык серьезный, ученый...

Григорий Иванович. Так я тебя и отпустил! Мы завтра как умоемся, так сейчас соборы пойдем смотреть... Ты мне будешь показывать.

Онуфрий. Что ж! Можно и соборы.

Григорий Иванович. Нет, черт возьми! Я безумно счастлив! Милые вы мои, давайте говорить о боге.

Онуфрий. Лучше споем, Гриша.

Григорий Иванович. Можно и это! (*Запевает, дирижируя руками.*) Быстры, как волны...

Глуховцев кладет голову на стол и горько плачет.

Григорий Иванович (*размахивая руками над его головой*). Все дни нашей жизни...

Глуховцев (*с тоскою*). Господи, и петь-то как следует не умеешь!

Онуфрий (*подхватывает*).

Что день, то короче к могиле наш путь...

В двери показывается Ольга Николаевна. Бледная, вся вытянувшись вперед, с широко раскрытыми глазами, она смотрит на плачущего Глуховцева.

Григорий Иванович и Онуфрий (*вдвоем*).

Налей же, товарищ, заздравную чару,

Бог знает, что с нами случится впереди.

Посуди, посуди, что нам будет впереди.

Ольга Николаевна (*бросаясь на колени перед Глуховцевым*).

Голубчик ты мой! Жизнь ты моя! (*Бьется в слезах.*)

Григорий Иванович (*размахивая рукой над их головами*).

Умрешь — похоронят, как не жил на свете.

О н у ф р и й.

Уж снова не встанешь к веселью друзей.

Налей же, товарищ...

Занавес

5 октября 1908 г.